

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

**КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА 1817-1864 ГГ. В ОЦЕНКАХ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 46.03.01.История
очной формы обучения, группы 02031505
Макарян Арнольда Вачиковича

Научный руководитель
к.и.н., доцент
Сергиенко М.А.

БЕЛГОРОД 2019

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Вопрос завоевания Кавказа в 1817-1864 гг. в дореволюционных и советских трудах	14
§1. Территориальная экспансия Российской империи и начало Кавказской войны в дореволюционных исторических трудах	14
§2. Политика на Кавказе в оценке государственных и двоенных деятелей яэпохи Николая I.....	23
§3. Перспективы присоединения Кавказа в оценке современников	34
§4. Советские исторические труды по проблемам Кавказской войны	41
Глава 2. Особенности освещения событий Кавказской войны в современной историографии.....	51
§1. Хронологические рамки Кавказской войны в контексте современной историографии.....	51
§2. Проблема характера Кавказской войны в современной историографии.....	56
§3. Перспективы осмысления военных действий на Кавказе 1817-1864 гг.	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	67
ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	71

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Проблемы межнациональных отношений в историческом аспекте всегда волновали умы исследователей. Кавказская война является одной из ключевых дискуссионных тем в этом аспекте. Распад СССР, освобождение от марксистской идеологии дают исследователям возможность свободно дискутировать на множество тем. Интерес именно к данной теме обусловлен стремлением исследователей понять специфику русско-кавказских отношений на протяжении всей истории, а также в наши дни.

События 1990-х годов обострили дискуссию. Позиции, занимаемые авторами в последнее время, становятся все более радикальными. В соответствие с этим актуальность изучения как самой Кавказской войны, так и ее историографии, становится все более необходимой, с целью получения максимально объективного суждения о данной проблеме и попытки уйти от фальсификации исторических фактов.

На сегодняшний день также стоит отметить всю сложность и конфликтность в обстановке, которая существует на данный момент на Кавказе. И именно поэтому, обращение к проблеме историографии Кавказской войны 1817-1864 гг. сделает возможным использование опыта прошлого, который, в свою очередь, сможет предостеречь от тех ошибок, которые были совершены в то время, а также полноценно понять особенности кавказского региона. Данные аспекты помогут выявить варианты урегулирования обстановки на Северном Кавказе в настоящее время.

Таким образом, актуальность данного исследования заключается в том, что проблема Кавказской войны 1817-1864 гг. приобрела высокую значимость в отечественной исторической науке ввиду событий происходящих на Северном Кавказе в настоящее время. Повышенный интерес среди историков, политологов объясняется спецификой русско-кавказских отношений, а также необходимы понимание логики процессов, изменений,

протекающих в области Северного Кавказа в наши дни.

Объект исследования - отечественная историческая мысль первой четверти XIX-начала XXI вв.

Предметом исследования выступают особенности отечественной историографии по проблемам событий Кавказской войны 1817-1864 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX в. по сегодняшний день, где под нижней границей (1850 г.) можно определить создание первых работ, в которых упомянуты факты, дается некоторая оценка кавказскому конфликту. Под верхней границей следует понимать период появления монографий современных историков по различным вопросам Кавказской войны.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, научной объективности. Стоит отметить, что данные принципы играют первостепенную роль в проведении исследования любого из исторических процессов. При их помощи становится возможным составление целостной картины любого исторического явления, а также целостной характеристики исследования. Таким образом, применительно к нашему исследованию, можно заключить следующее:

1. Применение принципа историзма позволило рассмотреть каждое из событий в конкретной исторической обстановке, во взаимосвязи с другими явлениями. Данный принцип был применен в анализе взглядов современников Кавказской войны 1817-1864 гг. в контексте складывающейся исторической действительности на Кавказе и в России в XIX столетии.

2. Принцип научного объективизма, предполагающий освещения взглядов современников по отношению к Кавказской войне. Данный принцип позволил выявить уникальную позицию каждой исторической личности.

Для получения научных результатов в выпускной квалификационной работе были применены **следующие методы:**

1. историко-типологический метод, позволивший выделить основные группы исторических работ о Кавказской войне;
2. историко-генетический метод, определивший рассмотрение указанной проблемы исследования в ее историческом возникновении и развитии;
3. историко-сравнительный метод, позволивший осуществить анализ изменений в подходах к изучению Кавказской войны в отечественной историографии.

Таким образом, использованные научные методы определили достоверность и обоснованность сделанных выводов.

Степень изученности проблемы представлена историографическими работами по проблеме и периоду в целом. Следует отметить значение для данного исследования общих трудов и учебных изданий по истории отечественной исторической науки, основным проблемам историографии и источниковедения, в которых представлен анализ ведущих тенденций исторической мысли, показана смена направлений и научных школ¹. В обобщающей монографии А.Л. Сидорова освещаются основные проблемы и некоторые итоги развития советской исторической науки, в том числе связанные с процессом изучения политических процессов в Российской империи в XIX-XX веках².

Что касается вопросов современной историографии, то стоит выделить обобщающую монографию О.А. Яновского³, в которой системно освещаются аспекты и проблемы современной историографии российской истории. Таким образом, на сегодняшний день современная отечественная наука не располагает

¹Артизов А.Н. Критика М. Н. Покровского и его школы (К истории вопроса) // История СССР. - 1991. - № 1. - С.102-120; Чернобаев А. А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского. - М., 1992. - 234 с.; Советская историография / под ред. Афанасьева Ю.Н. - М.: РГГУ, 1996. - 588 с.

²Сидоров А. Л. Основные проблемы и некоторые итоги развития советской исторической науки. - М., 1955. - 274 с.

³Яновский О.А. Современная российская историография новейшей истории России и истории СССР и др. / под ред. В.И. Меньковского. - М., 2006. - 192 с.

обобщающим историографическим трудом по вопросам Кавказской войны 1817-1864 гг.

Целью исследования является исследование особенностей отечественной историографии по вопросам Кавказской войны 1817-1864 гг. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить **следующие задачи:**

1. Рассмотреть вопрос территориальной экспансии Российской империи и начало Кавказской войны в исторических трудах;
2. Изучить политику на Кавказе в оценке государственных и военных деятелей эпохи Николая I;
3. Выделить основные перспективы присоединения Кавказа в оценке современников;
4. Проанализировать особенности советской историографии по основным проблемам Кавказской войны;
5. Охарактеризовать хронологические рамки Кавказской войны в контексте современной историографии;
6. Дать оценку проблеме характера Кавказской войны 1817-1864 гг. в современной историографии;
7. Обозначить перспективы переосмысления военных действий на Кавказе 1817-1864 гг.

Источниковая база. Рассматривая источниковую базу по вопросу изучения Кавказской войны 1817-1864 гг. в отечественных трудах, стоит отметить тот факт, что создание трудов по данной проблеме началось сразу же по окончании военных действий на Кавказе. Как правило, данный вопрос обсуждался военными чиновниками и офицерами русской армии, которые обладали официальной точкой зрения на происходившие события. Так, стоит выделить три периода в исследовании Кавказской войны 1817-1864 гг.

1. **Дореволюционный период.** Дореволюционные историки придерживались «имперской» концепции, заключавшейся в геополитической необходимости, целях цивилизаторской миссии России,

усмирения агрессии со стороны местных жителей. Данной концепции придерживались такие авторы как: Н.Ф. Дубровин ¹, А.Л. Зиссерман ², В.А. Потто ³, Д.И. Романовский ⁴, Р.А. Фадеев ⁵. В их трудах прослеживается идея о том, что Россия лишь заложница внутренне- и внешнеполитических обстоятельств, а силовые методы лишь вынужденная мера, поскольку на другие времена не оставалось.

Несмотря на приверженность к «имперской» концепции, дореволюционные историки внесли большой вклад в изучение Кавказской войны. Они проследили событийный ряд, смогли создать портреты главных участников войны, ввели целый ряд фактический материал, так как многие из них являлись непосредственными свидетелями событий, вели множественные этнографические и военно-статистические описания, которые позволили историкам в дальнейшем изучать данную тему более глубоко. Историки отмечали, что Кавказская война, бесспорно, является не только вооруженным столкновением, но и взаимовыгодным культурным и торговым обменом. Однако не стоит забывать о субъективности этнографических данных, в которых не признается сама концепция собственной культуры горцев.

Также рассматривая вопрос характера войны, ведения военных действий на Кавказе, важно упомянуть труды самих участников данных событий. Среди них генерал А. П. Ермолов ⁶, К.К. Бенкендорф ⁷, князь А. И. Барятинский ⁸ и т.д. Несмотря на то, что данные работы носят эпистолярный жанр, в них содержится оценка боевых действий на Кавказе, а также поднимаются некоторые вопросы,

¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе - СПб., 1871. - 669 с.

² Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867).- СПб., 1879. - 441 с.

³ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях. - М., 2014. - 1232 с.

⁴ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: публичные лекции. - СПб., 1860. - 460 с.

⁵ Фадеев Р. Кавказская война (Политический бестселлер). - М., 2005. - 640 с.

⁶ Фёдоров В. (сост.) Записки А.П. Ермолова. 1798-1826 гг. - М., 1991. - 463 с.

⁷ Бенкендорф К.К. Воспоминания Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. - СПб., 1911. - 471 с.

⁸ Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. - СПб., 2002. - 552 с.

связанные с горцами. Заслуживают внимания и представители революционно-демократической мысли в России, расценивавшие Кавказскую войну как «антиколониальную», а самих горцев как последователей общего «освободительного» движения в Российской империи. Такими деятелями были Н.Г. Чернышевский¹, Н.А. Добролюбов², А.И. Герцен³.

2. Советский период. Советская историография строилась под влиянием революционных демократов, а также политических воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса. На основании этого причины войны сводились к социально-экономическим и факторам и борьбе общественных классов. Одновременно с этим, исходя из лозунгов о «дружбе народов», русский народ никак не мог являться агрессором, а все захватнические устремления России приписывались к так называемым «царизму» и «империализму».

Горцы же выступали борцами за свободу от российской экспансии, а также местных «феодалов». Эта концепция четко обусловлена в труде «История народов Северного Кавказа»: «Не русский народ, который сам был угнетаем, а царизм ответствен за проявленные на Кавказе жестокость и насилие во время Кавказской войны первой половины XIX в.»⁴ и «Поскольку рост феодальной эксплуатации и гнета самодержавия происходил одновременно и в тесной связи с укреплением царской администрации, то антифеодальный протест нередко сливался с антиколониаторской борьбой»⁵.

Весьма значительную роль на советскую историографию 1920-1930-х гг. оказал воинствующий атеизм, в соответствие с которым историки называют имамат Шамиля, основанный на религиозной доктрине, называемой мюридизмом, реакцией, помогающей включить огромные массы людей в борьбу с захватчиками. Однако состояние изученности вопроса о

¹ Чернышевский Н.Г. Избранные сочинения. - М.,1950. - 840 с.

² Добролюбов Н.А. О значении наших подвигов на Кавказе. - М., 1962. - 478 с.

³ Герцен А. Сочинения в 2 томах. - М., 1985. - 592 с.

⁴ Пиотровский Б.Б. (ред.) История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. - М.,1988. - С.180.

⁵ Там же . - С.138.

Кавказской войне оставалось в критическом состоянии вплоть до 1980-х гг.

Особенно сильно по состоянию вопроса ударяло практически полное отсутствие письменных источников со стороны кавказских народов. Из оставленных непроясненными моментов истории в тот период и вытекают основные вопросы, решаемые в современности.

Но стоит отметить работу Н.И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля»¹, который, несмотря на все идеологические рамки, смог отойти от уже существующих штампов и многие из них поставить под сомнение. Покровский отмечает жестокость с обеих сторон говорит, что далеко не все выступления горцев можно назвать антиколониальными и антифеодальными. В целом, работа является достаточно прогрессивной для своего времени, но работа так и не увидела свет при жизни автора. Труд был опубликован лишь через 60 лет после завершения. 80-е года прошлого столетия стали новым витком в изучении Кавказской войны. Стоит отметить, что Н.И. Покровским также рассматривался социально-экономический аспект жизни адыгов на протяжении XVIII - XIX веков². В работе задействован большой спектр архивных документов, что делает ее уникальной в своем роде.

В 1983 году М.М. Блиев уходит от советского догматизма и впервые изучает Кавказскую войну под совершенно иным углом. В 1983 году М.М. Блиев опубликовал в журнале «История СССР» статью³, которая явилась первой попыткой вырваться за рамки «антиколониально-антифеодальной концепции». В своей работе М.М. Блиев не согласен с точкой зрения предыдущих историков о том, что Кавказская война носила национально - освободительный, антиколониальный характер. Историк делает акцент на тот

¹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. Гаджиева В.Г., Покровского Н.И. - М., 2000. - 584 с.

² Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII - первой половины XIX века: Социально-экономические очерки. - Краснодар: Книжное издательство, 1989. - 319 с.

³ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. - №2. - 1983. - С. 17-25

факт, что горцы Северного Кавказа осуществляли мощную военную экспансию по отношению к своим соседям. М.М. Блиев также приводит во внимание тот факт, что захват пленных и вымогание дани - обычное явление во взаимоотношениях между горными племенами и жителями равнин. Проблемам русско-кавказской войны посвящены несколько работ М.М. Блиева¹.

3. Современный период. Можно отметить, что на сегодняшний день вопросы, связанные с ведением данной военной кампании все чаще интересуют историков. С начала 1990-х гг. можно отметить новый этап в отечественной историографии в рассмотрении проблематики Кавказской войны 1817-1864 гг. Современный период отмечен плюрализмом научных позиций отсутствием идеологического давления. В связи с этим историки получили возможность писать более объективные научные труды по истории присоединения Северного Кавказа, проводить независимый исторический анализ.

В статье Л.В. Шатохиной, опубликованной в журнале «Вестник Московского университета» исследуется формирование курса России на Кавказе в 1830 - начале 1860-х гг.². Непосредственно же автор рассматривает проблемы становления российской власти на Северном Кавказе в оценке государственных деятелей и представителей командования. Л.В. Шатохина в общих чертах показала, что представители власти в государстве – император Николай I, военный министр А.И. Чернышев, главнокомандующие Отдельным Кавказским корпусом осознавали сложность покорения Кавказа и ведения войны с горцами.

Еще одна работа, рассмотренная нами - это монография Я. Гордина «Кавказ: земля и кровь»³, о которой можно сказать, что она является первой крупной работой, посвященной восприятию Кавказской войны современниками. Я. Гордин в своей работе подверг анализу их взгляды на

¹ Блиев М.М. Кавказская война. - М.,1994. - 459 с.; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. - М., 2004. - 878 с.

² Шатохина Л.В. Политика России на Северо-Западном Кавказе в 30-60-е годы XIX века // Вестник московского университета. - Серия 8: История. - 2000. - № 3. - С.3-26.

³ Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. - СПб., 2000. - 465 с.

Кавказскую войну, предметом которых стали записки представителей декабристского движения, государственных и военных деятелей. Монография Я. Гордина представляет значительный вклад в изучение вопроса оценки Кавказской войны 1817-1864 гг. современниками и на настоящий момент остаётся наиболее крупной опубликованной работой по данной проблеме. Но, так как она носит научно-популярный характер и рассчитана на широкий круг читателей, то автор остановился на наиболее ярких исторических личностях.

Среди исследователей, которые затрагивали проблему Кавказской войны и её оценки следует также отметить В. Дегоева и Л.Г. Захарову. В. Дегоев в своих трудах¹ рассматривал отношение к проблеме покорения Кавказа трёх знаковых исторических личностей Кавказской войны 1817-1864 гг. - А.П. Ермолова, М.С. Воронцова и А.И. Барятинского и показал, как они пытались решить проблему Кавказа на разных этапах войны и в различных исторических обстоятельствах. Очерк В. Дегоева представляет несомненное научное значение, так как позволяет составить общее представление о взглядах данных военных деятелей на проблему покорения Кавказа, о выборе методов действия в отношении местного населения и определения ими тактики и стратегии военных действий.

Определённый научный интерес представляет очерк Л.Г. Захаровой «Россия и Кавказ: взгляд из XIX века»². Здесь автор рассматривает завершающий период Кавказской войны с 1856 года до пленения имама Шамиля. Л.Г. Захарова рассмотрела взгляды представителей командования на проблему завершения войны на Кавказе. Опираясь на записки Д.А. Милютина, она попыталась определить его взгляды и позицию военного командования по вопросу завершения Кавказской войны, обустройства Кавказа и создания здесь системы эффективного управления.

¹ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. - М., 2001. - 510 с.; Дегоев В.В. Кавказская война XIX века: альтернативные подходы к её изучению // Вопросы истории, 1999. - № 6. - С. 156-164; Дегоев В.В. Кавказская война XIX века и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия XXI. - 1997. - № 9-10. - С.104-128.

² Захарова Л.Г. Россия и Кавказ: взгляд из XIX века // Россия и Кавказ сквозь два столетия: сборник научных статей. - Спб., 2001.- С. 44-56.

Важно сказать, что последние работы по вопросам Кавказской войны 1817-1864 гг. были представлены на научных конференциях. Так, например, материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 года «Кавказская война: уроки истории и современность»² содержат большое количество работ, затрагивающих данную проблематику, а также раскрывающих перспективы развития отечественной историографии по вопросам военной кампании 1817-1864 гг.

В сборнике статей, приуроченном к 150-летию окончания Кавказской войны «Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса» обобщается историография исследования темы и представлены новые интерпретации событийной истории военно-политического противостояния. Кавказская война представлена как событие оказавшее значительное воздействие на этно-демографическое, социально-политическое, экономическое и культурное развитие региона. Исследования, включенные в сборник, уточняют и дополняют устоявшиеся представления о рассматриваемых событиях, а также предлагают новые сюжеты для последующего изучения наиболее сложного и противоречивого этапа интеграции народов Северного Кавказа в социально-политическое пространство Российской империи.

Подводя итог анализу научных трудов по теме исследования, в целом можно сказать, после распада СССР идеологические рамки стерлись, а значит, наступил новый этап в изучении данной проблемы. Появились новые концепции, новые мнения, предлагающие рассматривать Кавказскую войну с разных ракурсов. Развитие историографии Кавказской войны этого периода связано в большей степени с использованием исторических событий в политико-спекулятивных целях. Однако, современная отечественная историография представлена незначительным количеством работ по данной проблеме. Кроме того, очевидно, что не существует достаточно полных, комплексных исследований.

Научная новизна работы определяется ее актуальностью. Стоит отметить, что на сегодняшний момент в исторической науке отсутствуют

комплексные монографии, в которых бы была рассмотрена историография Кавказской войны трех периодов: дореволюционного, советского и современного.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в том, что полученные результаты исследования могут быть использованы как в высших образовательных учебных учреждениях, а именно при составлении курсов российской истории на исторических факультетах. Материалы данной выпускной квалификационной работы могут быть также использованы и при изучении отдельных тем, связанных с внешней политикой России в XIX веке на уроках истории в школе.

Структура выпускной квалификационной работы включает: введение, две главы, заключение, список источников и исследований.

Глава 1. Вопрос завоевания Кавказа в 1817-1864 гг. в дореволюционных и советских трудах

§1. Территориальная экспансия Российской империи и начало Кавказской войны в дореволюционных исторических трудах

Рассматривая дореволюционную историографию по различным вопросам Кавказской войны, стоит выделить ее характерные особенности. Дореволюционная историография характеризовалась общей традицией, которая получила название «имперская». Ее представителями были Н.Ф. Дубровин¹, А.К. Зиссерман², П. И. Ковалевский³, В.А. Потто⁴ и Р.А. Фадеев⁵.

Начало этой концепции ведется с лекций генерала Д. И. Романовского⁶, которой характерен устойчивый «евро-центризм», признание горских племен «дикими», отрицание наличия у них самобытной, пусть и специфической, культуры, а ключевыми предпосылками являются положения об «умиротворении Кавказа» и «колонизации» региона. С этой позиции покорение Кавказа Россией выглядело безусловно положительным и необходимым, не говоря уже, что это соответствовало имперским политическим целям. Однако в силу подобных исходных предпосылок нельзя говорить о достаточной объективности в оценке всех явлений Кавказской войны.

Одновременно дореволюционные исследователи затронули в своих работах вопрос об оценке данного исторического события современниками. Основное внимание они уделили взглядам государственных деятелей и представителей военного командования на Кавказе. Так, историк В.А. Потто

¹Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. - СПб., 1871. - 669 с.

²Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. - М., 2011. - 482 с.

³Ковалевский Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII - начала XX века. - М., 1997. - 414 с.

⁴Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях. - М., 2014. - 1232 с.

⁵Фадеев Р. Кавказская война (Политический бестселлер). - М., 2005. - 640 с.

⁶Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: публичные лекции. - СПб., 1860. - 460 с.

достаточно подробно рассмотрел деятельность генерала А.П. Ермолова, показал его позицию по вопросу присоединения Северного Кавказа. Однако В.А. Потто признавая заслуги А.П. Ермолова на Кавказе, не показал последствий его жестких действий в отношении местного населения и преувеличивал некомпетентность его преемников, в частности И.Ф. Паскевича, в вопросе покорения Кавказа¹.

Большое внимание среди трудов дореволюционных исследователей заслуживает работа А.Л. Зиссермана «Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский», которая до сих пор остается единственной полноценной биографией, посвященной одному из самых выдающихся военачальников на Кавказе. А.Л. Зиссерман уделил внимание оценке завершающего периода Кавказской войны государственными и военными деятелями России, опубликовав в качестве приложений в своей монографии их переписку по кавказским делам². Поэтому данная работа может выступать одновременно и как источник по теме работы.

Еще один Труд А.Л. Зиссермана, который посвящен кавказскому конфликту - «Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867 гг.)»³. Дело в том, что автор, сам неся гражданскую службу, принимал участие во многих военных экспедициях, исполняя в том числе и миссионерские поручения. Труд «Двадцать пять лет на Кавказе. 1842-1867», вышедший впервые в свет в 1879 г., представляет собой яркий образец мемуарной литературы. Воспоминания автора о четвертьвековой службе, отличаясь информационной насыщенностью, не только освещают ход российского освоения Северного Кавказа, но и повествуют о том, как параллельно осуществлялось познание нового края. Автор дает глубокое представление о жизни, нравах, обычаях и отношениях народов, населяющих этот регион, рисует перед читателем грозно-неприступную, но в то же время манящую красоту природы Кавказа,

¹ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях. - М., 2014. - С. 124.

² Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. - М., 2011. - 482 с.

³ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). - СПб., 1879. - 441 с.

раскрывает характер взаимоотношений российских властей с местным населением, причины и следствия успехов и неудач российского присутствия в этом регионе, а также описывает все тяготы, которые пришлось вынести русским солдатам и офицерам.

Из трудов дореволюционных исследователей, затрагивающих оценку Кавказской войны современниками можно отметить работу Н.К. Шильдера «Император Николай Первый, его жизнь и царствование»¹. В своей книге он в качестве приложения опубликовал дневник А.Х. Бенкендорфа, в котором зафиксированы воспоминания императора Николая I о поездке на Кавказ в 1837 году. Здесь была дана оценка Николая I действиям России во время войны сгорцами, что в определённой мере раскрывает его позицию по вопросу присоединения Северного Кавказа.

Историки дореволюционного периода, начав изучение Кавказской войны 1817-1864 годов, одновременно обратили внимание на её оценку современниками, но специальных исследований по данной проблеме не проводили. В досоветской историографии приоритетной задачей являлось показать непосредственно историю Кавказской войны. Те же историки, которые обращались к оценке данного исторического события современниками, касались в основном взглядов государственных и военных деятелей Российской империи, причём лишь на определённом временном этапе Кавказской войны.

Освещая проблему историографии Кавказской войны необходимо отметить, что наиболее ценный фактический материал по истории национально-освободительной борьбы горцев Кавказа содержится в Кавказских сборниках. В них помещены работы участников и очевидцев военных событий на Кавказе.

Так, обсуждение проблемы территориальной экспансии Российской империи и начала Кавказской войны является одной из основополагающей в историографии дореволюционного времени. Территориальная экспансия со

¹ Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. – СПб., 1903. – 902 с.

стороны Российской империи обуславливалась несколькими аспектами. Во-первых, это геополитические соображения, которые заключались в обеспечении прочных границы, обретение незамерзающих портов, а также воспрепятствование оккупации пограничных территорий соперниками или включения их в сферу своего влияния. Соответственно, процесс присоединения Кавказа и определяло данные геополитические причины. Процесс освоения Россией южных территорий делало вполне реальным продвижение ее границ к Кавказу. С XVI века Кавказ становился объектом экспансии Ирана и Турции, которые проводили агрессивную внешнюю политику.

По мнению Д.И. Романовского до начала масштабного наступления на Северном Кавказе (до 1817 года), политика Российской империи в отношении нерусского населения, по мнению некоторых дореволюционных историков, представляла патерналистско-прагматичный характер. Процесс присоединения новых территорий носил амбивалентный характер¹. Россия считалась со сложившимися у местных народов традициями в социально-политических и хозяйственных структурах, а также системой ценностей, стремясь при этом достичь социальной, а в отдалённой перспективе и культурной интеграции чужих сообществ через сотрудничество с нерусскими элементами².

Д.И. Романовский отмечает тот факт, что с народами, имевшими свою государственность, заключался формальный договор, с теми же, кто её не имел, дело ограничивалось принесением присяги на верность русскому царю. Основным принципом политики на инкорпорированных территориях являлось сохранение существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры. Вторым, после уважения статус-кво, краеугольным принципом национальной политики являлось широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства, что облегчало для центральной власт

¹ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: публичные лекции. – Спб.,1860. – С.99.

² Там же – С.101.

и управление новой территорией¹.

В. Потто в своей монографии указывает на то, что эти принципы прагматичной политики Россия использовала и на Кавказе. Русские власти фактически не вмешивались в традиции и управление на территориях, находившихся от них в вассальной зависимости - в северном Дагестане, в Кабарде, Осетии и в Грузии². Разумеется, что это не означало полного отказа от процесса интеграции данных территорий в единое общегосударственное пространство империи.

Н. Ф. Дубровин отмечает, что в процессе присоединения Кавказа к России важную роль сыграло отношение местных народов к расширению её сфер влияния в регионе. В данном случае, им приходилось взвешивать выгоды или потери от вхождения в состав империи. Утверждение на Кавказе в начале XIX века гегемонии России являлось для местного населения очевидным фактом.

Народы Закавказья, а также осетины, ингуши, кабардинцы, народности Северного Дагестана признали власть Российской империи, которое могло гарантировать относительную политическую и экономическую стабильность в Кавказском крае. Однако адыгские народы Черноморского побережья Кавказа, чеченцы и «вольные общества» горного Дагестана, которые никогда особенно не томились чьим-либо господством, явно не спешили принимать российское правление. События первой половины XIX века это достаточно чётко показали. В то же время России, начавшей процесс постепенной интеграции кавказских территорий, необходимо было его закончить³.

Развитие событий на Кавказе с 1817 года и дальнейшие действия русских военных во многом были обусловлены той оценкой, которую давал А.П. Ермолов положению дел в крае. Уже после своего прибытия на Кавказ, он попытался вникнуть в суть вещей и составить представление о положении в крае. Оценивая

¹ Там же – С.105.

² Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях. – М., 2014. – С. 302.

³ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871. – С.77.

ситуацию, А.П. Ермолов в итоге делал вывод: «Обширные занятия начальников здешнего края, малые вообще средства, не допускали их употребить нужной строгости, а нередко власть наша или мало признаваема была или не с надлежащим уважением»¹.

По мнению генерала А.П. Ермолова, серьёзным препятствием для утверждения российской власти над народами Кавказа являлась мягкая политика его предшественников, что явно не способствовало росту авторитета России. Это был существенный момент, который уже начинал прослеживаться в национальной политике России.

На протяжении XIX века постепенно усиливалось европоцентристское чувство превосходства русских по отношению к кочевникам, мусульманам и вообще азиатам. При таком усилении всё меньше оставалось места для толерантности и (понимания иного социального уклада, иной хозяйственной структуры, иной системы ценностей. Как и западно-европейские колониальные державы, у которых Россия переняла это самосознание, она должна была якобы исполнить в Азии некую цивилизаторскую миссию, неся «примитивным» нерусским свет более высокой европейской культуры. Последующие взгляды А.П. Ермолова в целом подтвердили данное положение.

Во взглядах А.П. Ермолова, таким образом, действительно, прослеживалась резкое противопоставление «цивилизованного» - европейского порядка, представителем которого он являлся и «варварского» - по его мнению, всего, что не соответствовало устройству цивилизованного общества. Кавказ предстал в глазах генерала краем, где правит беззаконие и дикость, а соответственно, его народы являлись их носителями. Анархия в данном крае, который формально, но не фактически, принадлежал империи, по мнению А.П. Ермолова, была недопустима².

¹ Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2002. – С. 78.

² Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2002. – С. 82.

Существование набегов на Кавказе в XVIII - первой половине XIX века историк Н.Ф. Дубровин объясняет спецификой условий хозяйственной деятельности горских обществ. Экономика местных народов представляла натуральный характер. Хозяйственная деятельность семьи была рассчитана на удовлетворение собственных потребностей. Основными занятиями жителей Северного Кавказа являлись скотоводство и земледелие, причём каждая из этих отраслей хозяйства определялась спецификой региона. Зависимость от природной среды на Кавказе была столь велика, что не только профиль хозяйствования, но и орудия труда, быт и культурные традиции являлись частью этой среды. Однако, в то время и скотоводство, и земледелие в условиях гор не были рассчитаны на производство излишков «продукции, что в «итоге сдерживало поступательное экономическое развитие так называемых «вольных обществ» Северного Кавказа¹.

Генерал А.П. Ермолов оценивал ситуацию иначе. Кавказ, по его мнению, являлся частью империи, и местное население должно было быть интегрировано в её общегосударственную структуру. Это, конечно, не означало того, что А.П. Ермолов полностью стремился разрушить традиционную структуру горских обществ и распространить на них новый уклад «жизни. Он всё-таки осознавал сложность этого процесса. Но А.П. Ермолов, признавая местное население как подданных России, добивался от него подчинения основным требованиям Единственной власти на Кавказе - власти российской.

Всё то, что противоречило нормальному положению дел, по мысли А.П. Ермолова, должно было искореняться самым жёстким образом, в первую очередь, практика набегов. Стремясь пресечь набеги горцев, ²главнокомандующий одновременно с каждым шагом всё более отдалялся от их коренных социальных интересов, ставя местное население в оппозицию лично к себе и к России.

¹ Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2002. – С.91.

² Там же. – С.93.

Безусловно, что проблему набегов требовалось решать. Но чисто репрессивными методами это сделать оказалось невозможным. Как ни странно, но сам А.П. Ермолов вынужден был признать факт, что нередко из-за вины одного преступника наказывался целый аул. Однако отказываться от своей жесткой линии главнокомандующий Кавказским корпусом не собирался.

Кроме того, А.П. Ермолов, не ^разобравшись полностью в Ситуации и нанеся удар по существовавшим в Дагестане различным ханствам, подорвал здесь традиционную систему баланса сил, где на первый план вышли неподконтрольные на тот момент России «вольные общества». Подавив властную волю ханов, убрав их с политической арены как ведущую силу, А.П. Ермолов расчистил путь для более грозной силы, куда более враждебной России. В скором времени «разрозненные, неустойчиво сбалансированные действия ханов сменила централизующая, единая направленная воля имамов. Свирепые и корыстные ханы, несмотря на их тяготение к Персии, были естественными союзниками России в борьбе с имамами, ибо построение единого теократического государства на Кавказе означало их фактическую ликвидацию»¹.

К.К. Бенкендорф отчасти весьма верно указывал на тот момент, что А.П. Ермолов своей политикой, определяемой жёсткой линией в отношении местного населения и явно шедшей в разрез с пожеланиями Петербурга, способствовал усилению антироссийских настроений в горах Кавказа. При этом следует учесть, что жесткие методы действия военной администрации против горцев станут определяющими в политическом курсе России на Кавказе до середины XIX века².

По мнению В. Потто стратегия продвижения на Северном Кавказе, направленная на установление контроля над предгорными территориями, была

¹ Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2002. – С.55.

² Бенкендорф К.К. Воспоминания Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года. – СПб., 1911. – С.201.

выбрана А.П. Ермоловым правильно. Однако его жесткий курс в отношении местного населения Кавказа решительно сработал в данном случае против интересов России, создав (идеальные предпосылки для «объединения вольных обществ и освободившихся от локальной деспотии жителей ханств под властью теократического лидера. Потребовалось два десятилетия напряженной Кавказской войны, чтобы в сознании военных произошла переоценка системы действий¹.

Таким образом, дореволюционная историография по проблемам территориальной экспансии Российской империи и начала Кавказской войны 1817-1864 гг. представлена, в основном, работами очевидцев событий, которые выдвигали свои точки зрения в своих воспоминаниях и мемуаров. Некоторые историки, например, В. Потто, А. Л. Зиссерман предпринимали попытки рассмотреть события, происходившие в течение Кавказской войны более комплексно, нежели ее участники.

¹ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях. – М., 2014. – С. 456.

§2. Политика на Кавказе в оценке государственных и военных деятелей эпохи Николая I

После завершения военных действий на Кавказе, правительство Николая I подняло вопрос о покорении горцев. Конечно, данный процесс уже был начат генералом А.П. Ермоловым. В. Потто указывает на то, что следует учитывать, что присоединение Черноморского побережья Кавказа и распространение мюридизма в Дагестане, придавали проблеме установления российской власти гораздо большую остроту и принципиальность. Разумеется, что противодействие местного населения принималось в расчёт и царской администрацией на Кавказе, и самим правительством. Однако после одержанных побед России над Ираном и Турцией горцы не воспринимались как грозный противник. К тому же действия генерала А.П. Ермолова показали, что русским войскам под силу подавлять очаги сопротивления на Северном Кавказе¹.

С учётом выше изложенных обстоятельств Николай I в 1829 году, по завершении русско-турецкой войны, в распоряжении генералу И.Ф. Паскевичу предписывал закончить усмирение народов Северного Кавказа: Николай I ставил перед И.Ф. Паскевичем достаточно чёткую задачу, фактически предоставляя администрации в Кавказском крае свободу в выборе методов действия против непокорного местного населения. Кроме того, подчёркивалось, что установление спокойствия среди горских народов является важнейшим делом для государства. Таким образом, для Николая I необходимость и возможность покорения горцев не вызывала сомнения. Причиной же их противодействия российской власти Николай считал, «слепую вражду против российского правительства»².

Поставленная перед И.Ф. Паскевичем задача утверждения российской власти на Северном Кавказе требовала своего исполнения. Однако командующий Отдельным Кавказским корпусом, успев вникнуть в ситуацию,

¹ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях. – М., 2014. – С. 512.

² Там же. – С. 514.

складывающуюся в кавказском регионе, не считал дело покорения горских народов лёгким.

К тому же И.Ф. Паскевич не исключал возможности общего выступления горцев вследствие форсированного у становления на Северном Кавказе российской власти. В своём письме Николаю I, он делился своими соображениями по данному поводу: «Повеление Вашего императорского Величества об усмирении горских народов за грабежи и разбои, кои они производили в границах наших в продолжении Персидской и Турецкой войны, справедливо и полезно... но при сём случае предоставляются два весьма важные вопросы: как и с которой стороны предпринять сие наказание и какой народ из обитающих в смежности с нашими границами, более вреден нам и в настоящее время может быть опасен политикой своею. Хоть ответ на сие весьма труден и требует некоторого соображения, в особенности, чтобы не возбудить общего в горах возмущения»¹.

Таким образом, большинство дореволюционных историков склоняются к тому, что И.Ф. Паскевич высказывал своё мнение о том, что задача покорения горцев является трудновыполнимой и длительной. Однако он попытался определить первоочередное направление, откуда следовало начать установление контроля над Северным Кавказом. По мнению И.Ф. Паскевича, основное внимание следовало сосредоточить на Черноморском побережье Кавказа, чтобы отнять у горцев возможность сношений с Турцией. Создав ряд укреплений на побережье, Паскевич считал возможным после этого угрожать горцам истреблением, если они не подчинятся русской власти.

В 1830-е годы одним из идеологов экономической блокады в отношении непокорных народов Северного Кавказа являлся сподвижник А.П. Ермолова генерал А.А. Вельяминов - человек «ледяной трезвости и рациональной жестокости». Кавказ, по мнению генерала, следовало «уподобить сильно крепости, чрезвычайно твёрдой по местоположению, искусно ограждённой

¹ Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2002. – С.73.

укреплениями и, обороняемой многочисленным гарнизоном»¹.

Для покорения живших здесь народов, А.А. Вельяминов предлагал следующие меры: «Итак, главное дело состоит теперь в том, чтобы «окорить» народы, занимающие плоскости на северной стороне Кавказа. Голод есть одно из сильнейших к тому средств. Чтобы произвести оный, нужно между прочим возбранить подвоз жизненных потребностей со стороны Черного моря. Покорение народов, живущих на плоскостях, коротко познакомит нас с топографией сих мест; что же касается до племён, обитающих в вершинах и теснинах Кавказа, то к покорению оных послужат также верными средствами истребления полей их и занятие укреплениями важнейших, в топографическом отношении мест»².

Позиция генерала А.А. Вельяминова воспринималась историками дореволюционного периода достаточно отрицательно. Н. Ф. Дубровин указывал на выбор столь жёстких методов действия в отношении непокорного населения Северного Кавказа. А.А. Вельяминов, по мнению историка, «конечно, был не единственным представителем военного командования, отстаивавшим силовой вариант утверждения российской власти на Кавказе. Царские генералы считали оружие и вторжения в горы одним из лучших способов воздействия на умы горцев»³.

В размышлениях царских генералов существовала своя логика, определяемая условиями «Кавказской войны и «необходимостью подчинения населения, чьи территории считались землями Российской империи. И если быть объективным, то стоит отметить, что русской армии на Кавказе противостояли не доведённые до отчаяния горские крестьяне, а достаточно воинственные и опытные в военном деле (в специфике горной войны) народы. Однако чисто «илового» разрешения проблемы установления российской

¹ Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2002. – С. 73.

² Там же. – С. 89.

³ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871. – С. 102.

власти на Северном Кавказе не было. События 1830-первой половины 1840-х гг. подтвердили этот факт.

Участник Кавказской войны и историк Д.И. Романовский, рассматривая вопрос о покорении горцев, вполне справедливо писал, что установление контроля над кавказскими народами невозможно было без употребления оружия, но при этом он отмечал, что «не легко себе вообразить, как и когда бы совершилось это покорение, если бы действия наши были основаны исключительно на оружии»¹.

Сложившееся в начале 1840-х гг. на Северном Кавказе тяжёлое положение и неудачи России в стремлении остановить противодействие горцев заставляли Петербург искать противовес влиянию Шамиля над горскими народами не только в военном отношении. Сам Николай I всё более склонялся к тому, что установление спокойствия в Кавказском крае требует не только применения силовых методов, но и демонстрации доброжелательных намерений со стороны русских властей. Разумеется, военное командование на Кавказе не могло игнорировать Предложений и «пожеланий Петербурга. По крайней мере, предпринимались попытки составлять не только планы экспедиций против горцев, но и размышлять о мерах их привлечения на сторону российских властей.

Например, генерал П.Х. Граббе предлагал поощрять занятием земледелия горцев, скупая у них муку и зерно, что, по его мнению, смягчало бы их нравы и создавало бы стимул для мирной жизни. Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Е.А. Головин в начале 1840-х годов писал А.И. Чернышеву о необходимости применения не только репрессивных методов воздействия на горцев, но и прибегать к политическим средствам: «Не подлежит никакому сомнению, что средства политические, которыми англичане успели распространить владычество свое в Индии, с такою же пользой могут быть употреблены и здесь. Я всегда был этого мнения, но так как

¹ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: публичные лекции. – Спб., 1860. – С. 137.

мне не были известны виды правительства нашего в сем отношении, то я до сих пор не упоминал о других мерах кроме тех, кои «основаны на силе оружия и властью же приобретаемой, хотя и считал средства политические всегда возможными»¹.

Письмо Е.А. Головина свидетельствует о том, что в сознании некоторых русских военных наблюдалась постепенная переоценка системы действий. По крайней мере, уже звучало мнение о необходимости применения не силовых методов для утверждения российской власти на Кавказе. При этом по мысли Е.А. Головина, полезно было бы обратиться к опыту европейских государств, которые наравне с данными методами используют и политические средства для утверждения своей власти в колониях.

Однако многие русские военные имели свои взгляды на войну с горцами и на средства их покорения. Существовала даже ситуация, когда выбор тех или иных средств для установления российской власти на Кавказе определялся не только предписаниями правительства, но и личной позицией русских военачальников в отношении войны с горцами.

Ярким примером могут служить личности двух участников Кавказской войны 1817-1864 гг. - генерала Н.Н. Раевского и адмирала Л.М. Серебрякова. Они оба действовали на Черноморском побережье Кавказа и воевали против черкесских племён. Н.Н. Раевский и Л.М. Серебряков являлись не ординарными фигурами в Кавказской войне. Они стремились установить мир и спокойствие на Кавказе, но при этом полагались на совершенно противоположные методы.

Адмирал Л.М. Серебряков был сторонником экономического давления на горцев и разделял взгляды генерала А.А. Вельяминова. Он считал, что вражда горцев к завоевателям укоренилась так глубоко, что любые мирные действия русских будет восприниматься лишь как проявление слабости. Жёсткая же экономическая блокада независимого населения Северного Кавказа, по его мнению, была единственным способом, которая могла принудить горцев к

¹ Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2002. – С. 73.

покорности, пусть и не искренней¹.

Адмирал Л.М. Серебряков не стремился к поголовному уничтожению непокорного местного населения Кавказа. Он признавал, что те меры, которые он предлагал, являлись жестокими. Но, являясь человеком военным, Л.М. Серебряков считал, что интересы государства не всегда совмещаются с филантропией. Он не ставил под сомнение необходимость присоединения Кавказа к России и, возможно, осознавал свою ответственность в этом историческом процессе.

Адмирал Л.М. Серебряков не столько не верил в возможность мирного покорения Кавказа, сколько считал, что горцы по своей дикости и невежеству не смогут оценить мирных методов и воспримут их лишь как выражение слабости России. Бездействие военного командования в деле решительного военно-экономического давления на горцев Л.М. Серебряков считал практическим провалом военной кампании на Кавказе.

Таким образом, адмирал Л.М. Серебряков полагал, что если не перейти к решительным мерам в отношении непокорных горцев, то на Черноморском побережье Кавказа может сложиться такая же ситуация как в Чечне и Дагестане - черкесы смогут объединиться в борьбе против России. Хотя в рассуждениях адмирала Л.М. Серебрякова прослеживалась определённая логика, тем не менее, военное командование на Кавказе придерживалось несколько иной точки зрения. Оно боялось повторения ситуации 1840 года, когда черкесы, доведённые до отчаяния, обрушились на русские укрепления на Черноморском побережье и часть их уничтожили вместе с гарнизонами².

Но и полностью отвергал проект Л.М. Серебрякова начальник ик Черноморской береговой линии генерал Н.Н. Раевский, который придерживался совершенно иной позиции в вопросе покорения горских народов. Как и адмирал Л.М. Серебряков, Н.Н. Раевский также не сомневался в необходимости

¹ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и библиографиях. – М., 2014. – С. 515.

² Там же. – С. 524.

установления спокойствия в Кавказском крае. Но граница, за которую можно было заходить в выборе средств покорения горцев, виделась им по-разному.

Роль Н.Н. Раевского также рассматривает К.Л. Зиссерман¹. По словам историка, за время своего непродолжительного командования войсками на Черноморском побережье Кавказа Н.Н. Раевский стремился заложить основы мирного покорения Кавказа и установить постоянные экономические и политические контакты хотя бы с определённой частью черкесских племён. Он выступал за развитие торговых сношений с горцами, которые, по его мнению, должны были втягивать местные народы в сферу экономического влияния России. Воюя на Кавказе с 1826 года, генерал Раевский имел достаточное представление об этом крае и здешних народах. Видя неспособность военного командования на Кавказе и правительства разрешить сложившуюся ситуацию в регионе, он пришёл к мнению, что принятая система действий не приведёт к ожидаемому результату и окончанию войны с горцами².

Принципиальная позиция Н.Н. Раевского в вопросе покорения горских народов, безусловно, имела определённую мотивацию и обоснование. Он был первым высокопоставленным человеком в Кавказском корпусе, кто открыто высказывал своё несогласие с действиями и политикой России в отношении горских народов. Позиция Н.Н. Раевского проявлялась в рапортах и отчётах командованию и правительству. Выступая против жёсткого военно-экономического давления на горцев, генерал настаивал на более широком применении не силовых методов утверждения российской власти на Северном Кавказе.

Таким образом, генерал Н.Н. Раевский, по мнению А.Л. Зиссермана, был твердо убежден в том, что только применение не силовых методов может привести к прочному политическому и экономическому влиянию России в Кавказском крае. В этом было «принципиальное расхождение во взглядах Н. Раевского и адмирала Л. Серебрякова. Если Л. Серебряков считал, что

¹ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867).– СПб.,1879.

² Там же. – С. 132.

применение мирных средств будет расцениваться горцами как слабость России, то генерал Н. Раевский был убежден, что акцент на репрессивных методах лишь отдалит время окончания Кавказской войны. Соответственно, исходя из своих убеждений, он, конечно, не мог принять предложенный план адмирала Л. Серебрякова о покорении черкесов.

Вопрос перелома военной и политической ситуации на Кавказе был рассмотрен Д.И. Романовским. Историк отмечает, что данные изменения были напрямую связаны с управлением здесь князя М.С. Воронцова в 1844-1854 гг., который понимал, что для покорения Кавказа требуется перейти не только к иной тактике ведения войны с горцами, но и проводить целенаправленную политику, которая бы способствовала росту пророссийских настроений в среде местного населения. М.С. Воронцов стал первым правителем Кавказского края, который наиболее последовательно проводил миротворческую политику по отношению к горцам. Он перевёл внимание с чисто военных проблем на культурные, торговые и экономические¹.

Эффективным средством утверждения влияния России на Кавказе М.С. Воронцов считал развитие торговли. Связанная с нею материальная заинтересованность, могла, по его мнению, втягивать горцев в мирные отношения с русскими и позволила бы горцу почувствовать их материальные выгоды. В этом «вопросе убеждения М.С. Воронцова совпадали со взглядами генерала Н.Н. Раевского. Так, например, ещё в 1838 году, М.С. Воронцов не спрашивая мнения администрации на Кавказе, давал разрешение русским купцам вести торговлю с горцами на Черноморском побережье.

За время управления Кавказом князя М.С. Воронцова наметился перелом военной и политической обстановки в пользу России. Горские общества Чечни и Дагестана, уставшие от постоянной конфронтации, начинали постепенно переходить на сторону русских властей. Начавшаяся Крымская война приостановила данный процесс и оттянула время завершения Кавказской

¹ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: публичные лекции. – СПб., 1860.

войны.

Однако преемник М.С. Воронцова на посту наместника Кавказа, генерал Н.Н. Муравьев считал, что окончание Кавказской войны - это дело ближайшего будущего. Размышляя о способах покорения горцев, по его мнению, требовалось проведение социально-экономических мероприятий. В частности, Н.Н. Муравьев считал необходимым открывать на Кавказе школы и развивать здесь промышленность¹.

В целом, опираясь на дореволюционные оценки действий России на Кавказе в эпоху Николая I, можно прийти к выводу, что он представляли, прежде всего, политику государства, стремившегося к упрочнению власти над вновь приобретенными территориями. Здесь наблюдалась и жесткость в отношении непокорного населения, и применение репрессивных методов со стороны царских военных. Однако политика Российской империи на Кавказе не носила ярко выраженного колониального характера. Прежде всего, по той причине, что правительство Николая I рассматривало горские народы как будущих подданных Российского государства, а сам Кавказский край должен был влиться в общую структуру империи, без всяких следов насильственного присоединения. Осознавая значение присоединения Кавказа, правительство и царская администрация стремились подавить антироссийское движение в регионе.

Однако с течением времени сам Николай I и часть военного командования стали понимать, что чисто силовое покорение Кавказа не имеет видимых перспектив. После назначения на Кавказ М.С. Воронцова в 1844 году действия в отношении горцев приняли достаточно последовательный характер и заключали в себе компромиссный вариант между силовым давлением и мирными средствами утверждения российской власти над ними. В целом это имело положительные последствия для перелома общей ситуации на Северном Кавказе в пользу России в середине XIX века.

¹ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: публичные лекции. – Спб., 1860. – С. 204.

Таким образом, историками дореволюционного периода, которые положили начало изучению Кавказской войны 1817-1864 годов, было обращено внимание на её оценку современниками, однако, отдельных специальных исследований по данной проблеме издано не было. В досоветской историографии приоритетной задачей являлось показать непосредственно историю Кавказской войны. Те же историки, которые обращались к оценке данного исторического события современниками, касались в основном взглядов государственных и военных деятелей российской империи, причём лишь на определённом временном этапе Кавказской войны.

Рассматривая особенности дореволюционной историографии по вопросам Кавказской войны 1817-1864 гг. важно выделить тот факт, что большое значение для отечественной историографии этого периода имела фигура, пожалуй, главного героя Кавказской войны - имама Шамиля.

В дореволюционное время в «России преобладали две точки зрения - восторженная оценка деятельности имама, обусловленная тем, что его организаторские и военные качества было трудно не заметить, которые и позволили ему противостоять военной мощи России. Другая точка зрения выражала то, что Россия несла с собой на Кавказ прогресс, который должен был вытеснить дикий и необузданный нрав горцев, предводителем которых был Шамиль (такая точка зрения отражена в воспоминаниях и мемуарах участников Кавказской войны).

Надо отметить, что дореволюционные профессиональные русские историки относительно мало уделяли внимание основным вопросам истории народно-освободительного движения горцев Чечни и Дагестана в 20-50-х гг. XIX в. Тем не менее, проведенный историографический анализ исследований, изданных до 1917 года, несмотря на их крайнюю тенденциозность, дает основания полагать, что в работах дореволюционных авторов, затрагивавшие исследуемую нами проблему, был накоплен довольно большой фактический материал, который во многом способствует объективному исследованию истории Кавказской войны.

Таким образом, дореволюционная русская историография Кавказской войны имела определенное внутреннее единство, которое обеспечивалось той идеологической основой, что не без оснований называют «имперской традицией». В основе этой традиции лежит утверждение о том, что Россию на Кавказ привела геополитическая необходимость, и Повышенное внимание к цивилизаторской миссии империи в этом регионе. Завоевание Кавказа характеризовалось как борьба европейского культурного начала с азиатским варварством. Одно из характерных проявлений такого подхода - отрицание горской культуры как таковой, муссирование «дикости» местных племен, уклонение от изучения войны как цивилизационного конфликта.

§3. Перспективы присоединения Кавказа в оценке современников

Длительная Кавказская война, упорная борьба России за утверждение своего влияния в регионе вызывали у современников вопрос о смысле и значении происходящего. Однако русское общество второй четверти XIX века, в большинстве своём, имело поверхностное представление о Кавказском крае. Правительство Николая I, на период правления, которого выпало 29 лет Кавказской войны, испытывая неудачи на Кавказе, конечно, не желало их разглашения. Цензуре было поручено следить, чтобы в прессе не появлялись сведения о событиях на Кавказе. А крайне редко публикуемый материал должен был соответствовать видам царского правительства и касаться только дозволенного. Поэтому центральные периодические издания, которые в то время выходили в России, практически ничего не писали о Кавказской войне.

Большинством современников присоединение Кавказа рассматривалось с геополитической точки зрения. Историк Р. Фадеев в своем труде «Кавказская война» указывает на то, что одним из первых, в российском обществе эпохи Кавказской войны, кто попытался выявить перспективы расширения сфер влияния России на Кавказе, был адмирал Н.С. Мордвинов. По его мнению, обеспечение на Северном Кавказе безопасности российских поселений представляло частные задачи ¹. Присоединение Кавказа, по мысли Н.С. Мордвинова, открывало России прямой путь к странам Азии, что сулило перспективу открытия рынка сбыта для русской промышленности, которая явно не востребована в Европе. Таким образом, присоединение Кавказа, по оценке Н.С. Мордвинова имело двойное значение - геополитическое и экономическое.

Р. Фадеев также отмечает, что схожие мысли на присоединение Кавказа прослеживаются в «Русской Правде» П. Пестеля. Он пытался выявить перспективы, которая могла извлечь Россия из присоединения этого края: «Земля, в которой они обитают издревле, известна за край благословенный, где

¹ Фадеев Р. Кавказская война (Политический бестселлер).– М., 2005. – С.174.

все произведения природы с избытком труды человеческие награждать бы могли и, который некогда в полном изобилии процветал, ныне же находится в запустелом состоянии и никому никакой пользы не приносит, оттого, что народы полудикие владеют сей прекрасной страной. Положение сего края сопредельного Персии и Малой Азии могло бы доставить России самые замечательнейшие к установлению деятельнейших и выгоднейших торговых сношений с Южной Азией и, следовательно, к обогащению государства»¹.

Декабрист П. Пестель считал, что Кавказ обладает отличными условиями для хозяйственной деятельности и через него можно проложить торговые пути в Азию, что имело бы самые благоприятные экономические последствия для Российской империи. Однако П. Пестель выделял существенное препятствие для России в овладении Кавказом - сопротивление горских народов. По его мнению, было некой исторической несправедливостью, что такой богатый край как Кавказ населён варварскими народами, которые явно не могут воспользоваться теми выгодами для хозяйственной и экономической деятельности, которые он мог представлять. Поэтому П. Пестель был решительно настроен в вопросе покорения Кавказа².

Расширение военных действий в северокавказском регионе в 1830-1840-х годах и в тоже время неудержимое стремление правительства Николая I присоединить Кавказ, одновременно порождали мнения о целесообразности борьбы России за этот регион. Вполне обоснованную с геополитической позиции точку зрения на присоединение Кавказа выдвигал декабрист М.С. Лунин. Он размышлял о войне России с горцами, находясь в ссылке в Сибири. Остается только предполагать, откуда М.С. Лунин получал информацию о делах в государстве, к тому же являясь политическим ссыльным. Но важен сам факт, что он пытался определить перспективы продвижения России на Кавказе³.

Свой взгляд на общее положение дел в государстве и на Кавказе

¹ Пестель П. Русская правда. – М., 1993. – С.174.

² Фадеев Р. Кавказская война (Политический бестселлер). – М., 2005. – С.176.

³ Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. – Иркутск, 1988. – С.89.

декабрист М.С. Лунин начинал с обзора эпохи Николая I. Естественно, преследуемый политическим режимом, он давал отрицательную характеристику николаевскому правлению. Не оставаясь голословным, М.С. Лунин пытался объяснить, какие жертвы понесла Россия в этот период времени. В качестве доказательства он приводил неурожайные годы 1833, 1834 и 1840 годов и возникший голод, который, по его мнению, стал следствием непредусмотрительности правительства.

Также М.С. Лунин указывал на истощение средств страны, расходуемых в мирное время на содержание военной машины, «которая друг оказывается недостаточной во время войны» и на рекрутчину, поглощающую людей. В итоге М.С. Лунин делал вывод, что Россия эпохи Николая I «ослабленная болезнями и голодом, измученная бунтами и восстаниями, изнурённая бесплодными войнами, обнищавшая вследствие новых налогов и придавленная непрерывно возрастающим долгом, в смысле благополучия материального находится в худшем положении, чем в предшествующее царствование»¹.

Таким образом, М.С. Лунин считал, что правящий режим принёс России и обществу лишения, обнищание и изнурительные войны. Безусловно, что не во всём можно согласиться с декабристом Луниным, который в некотором плане сгущал краски. Положение русского народа и в предыдущие времена не блистало массовым благополучием. Однако в определённых вещах М.С. Лунин улавливал истинное положение дел.

Оценивая Кавказскую войну, декабрист Лунин употреблял к ней такие выражения как «разорительная» и «убийственная», явно этим стараясь вновь подчеркнуть те бедствия, которые принёс России николаевский режим. Кроме того, он заострял внимание на безрезультатности этой войны и неспособности правительства сломить сопротивление горцев Кавказа.

М.С. Лунин отрицал сложность завоевания Кавказа, коренящуюся в непривычных климатических и Географических условиях для русской армии.

¹ Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. – Иркутск, 1988. – С.92.

Кроме того, он не считал горцев такими грозными противниками, которые могли бы остановить продвижение русской армии. В принципе, верно подчёркивая, что у правительства не хватало способных людей, которые смогли бы справиться с такой задачей как завоевание Кавказа, М.С. Лунин в то же время упрощал действительность.

Война на Кавказе, которую вела русская армия с горцами, была во многом необычна для неё и по специфике местности и по её характеру, что отмечалось почти всеми участниками военных действий. М.С. Лунин, не принимавший участия в Кавказской войне, в то же время позволял себе считать, что русская армия не имела здесь серьёзного противника и препятствий для продвижения.

Таким образом, декабрист М.С. Лунин рассматривал продвижение России на Кавказе в обще историческом контексте расширения её территории. Достаточно чётко выделяя два основных направления в геополитических устремлениях Российского государства, поставившие его перед выбором ещё во времена Ивана Грозного - расширяться на запад или на юг - М.С. Лунин стремился показать историческую значимость восточного направления в геополитических устремлениях России. Выбранное западное направление, по мысли М.С. Лунина, не являлось вполне правильным выбором, так как Россия от этого получила порты на второстепенных морях и возможность конфронтации с европейскими государствами. Однако начало продвижения империи в южном направлении, по мнению Лунина, представляло важные результаты. Россия, расширившись на юг, становилась сильнее, и это заставляло уже европейские государства искать компромиссы с русским правительством. Подчёркивая значимость Кавказа для России, М.С. Лунин считал, что её победы в Закавказье важнее побед над наполеоновской Францией¹.

Таким образом, декабрист М.С. Лунин считал присоединение Кавказа важным моментом в геополитических устремлениях России. Длительность и безрезультатность Кавказской войны он объяснял общей некомпетентностью

¹ Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. – Иркутск, 1988. – С.95.

николаевского правительства и военного командования.

С геополитической точки зрения на присоединение Кавказа в 1840-е годы смотрел Д.А. Милютин. Осмысливая, мотивы борьбы империи за этот регион, Д.А. Милютин отбрасывал экономические перспективы его присоединения.

Раскрывая свою позицию, он писал: «В отношении к материальным интересам должно заметить, что Россия не может надеяться извлечь из Кавказских гор какие-нибудь выгоды в финансовом отношении. Кто знает кавказские горы и быт, тот без сомнения подтвердит, что по [бедности] своей и природе в большей части скудной, нечего ожидать, чтобы когда-нибудь доход казны, кроме разве неизвестных ей сокровищ, заключающихся в самих недрах земли; напротив того, всегда даже по совершенном успокоении края обладание горами будет стоить России значительных издержек»¹.

Д.А. Милютин не видел экономической целесообразности в присоединения Кавказа, считая, что даже в будущем он не только не станет источником обогащения государства, но, наоборот, будет отвлекать значительную часть его материальных ресурсов. Однако он считал, что вести борьбу за присоединение Северного Кавказа необходимо, несмотря на отсутствие прямых экономических выгод. Об этом Д.А. Милютин писал следующее: «Но виды России на кавказские горы гораздо возвышеннее - ибо от успокоения кавказских племён зависит не только благосостояние закавказского края, но и всё будущее развитие политического и коммерческого влияния России на Востоке»².

Таким образом, присоединение Северного Кавказа к России Д.А. Милютин обосновывал необходимостью обеспечения безопасности Закавказья, а также тем, что Россия получала плацдарм для распространения своего экономического и политического влияния на соседние государства Востока. Таким образом, точка зрения Д.А. Милютина была схожа с оценками П.

¹ Милютин Д. Воспоминания. – Томск, 1919. – С.55.

² Там же. – С.55.

Пестеля, которые также считали, что Кавказ открывал России путь для проникновения в страны Азии.

Геополитическое обоснование Кавказской войны выдвигал и князь М.Д. Горчаков. Свои рассуждения он начинал с рассмотрения всей специфики Кавказской войны: «Кавказская война разнствует от всех других; один или несколько счастливых, даже блистательных походов, не положат её конца. По крайней трудности местностей, по разнообразию племён их заселяющих, по диким обычаям и известной свирепости горцев, вполне удовлетворительное довершение дел наших на Кавказе может быть только последствием действий, производимых в продолжение многих годов, по постоянной системе, основанной на отличительных свойствах этого края»¹.

Князь М.Д. Горчаков заострял внимание на сложности ведения войны на Кавказе, с целью показать, что присоединение этого края является сложным процессом, успех которого не зависит, как в классических военных кампаниях, от нескольких выигранных сражений. В своих соображениях М.Д. Горчаков как бы заочно опровергал точку зрения М.С. Лунина, который считал, что сложность завоевания Кавказа не может состоять в специфике местности и определяться воинственностью местного населения.

Размышляя о перспективах присоединения Северного Кавказа, князь М.Д. Горчаков писал: «Нельзя допустить, чтобы в первостепенном государстве «довольно близкие между собою области онога были навсегда разделены населением ему неподвластным. Следовательно, в действиях своих на Кавказе Россия должна иметь целью покорение жителей сего края. Неоспоримо, что дойти до этой цели нельзя иначе как постепенно и по истечении продолжительного времени; но все старания, все усилия наши должны клониться к тому, чтобы до неё достигнуть, хотя в отдалённой будущности»².

Таким образом, можно констатировать, что современники Кавказской

¹ Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб., 2002. – С.289.

² Там же. – С.292.

войны осознавали перспективы закрепления России в кавказском регионе и придавали данному процессу важное историческое значение. В самом начале войны было определено геополитическое значение Кавказа. Действительно, даже такие активные противники правящего в России режима, как декабристы П. Пестель и М.С. Лунин оправдывали присоединение Кавказа и считали это необходимым с геополитической точки зрения.

Конечно, сама война воспринималась современниками, практически без исключения, отрицательно, но существовало определённое оправдание тому, что борьба России за Кавказ - имеет важное значение в геополитических устремлениях империи, направлена на её ограждение от внешней угрозы и одновременно позволяла расширять сферы влияния России в Азии. Отсюда возникало двойственное отношение к Кавказу - как к краю, поглощавшему ресурсы империи; но в то же время, многими современниками Кавказской войны были осознаны перспективы (в большинстве оценок - геополитические) присоединения Кавказа, который рассматривался как неотъемлемая часть Российского государства.

§4. Советские исторические труды по проблемам Кавказской войны

Советская историография строилась под влиянием революционных демократов, а также политических воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса. На основании этого причины войны сводились к социально-экономическим и факторам и борьбе общественных классов. Среди основных монографий, посвященных различным проблемам Кавказской войны можно выделить труды А.К. Авторханова¹, Е. Адамова², М.М. Блиева³, С.К. Бушуева⁴, А.С. Гаджиева⁵, Н.П. Гриценко⁶, Н.И. Покровского⁷, Б.М. Джимова⁸, Н.А. Добролюбова⁹, Е.Н. Кушевой¹⁰, Р.М. Магомедова¹¹, Т.Х. Ортобаева¹² и других¹³.

Одновременно с этим, исходя из лозунгов о «дружбе народов», русский народ никак не мог являться агрессором, а все захватнические устремления России приписывались к так называемым «царизму» и «империализму». Горцы же выступали борцами за свободу от российской экспансии, а также местных

¹ Авторханов А.К. Основным вопросам истории Чечни. – Грозный, 1930. – 105 с.

² Адамов Е. Из истории происков иностранной агентуры во время Кавказских войн // Вопросы истории, 1950. – №11. – С. 122-125.

³ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. – №2. – 1983. – С. 17-25; Блиев М.М. Кавказская война. – М., 1994. – 459 с.; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М., 2004. – 878 с.

⁴ Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70-е годы XIX века). – М., 1955. – 116 с.

⁵ Гаджиев А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. – Махачкала, 1964. – 228 с.

⁶ Гриценко Н.П. Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. – Грозный, 1962. – 196 с.

⁷ Покровский, Н.И. Из истории адыгов в конце XVIII - первой половины XIX века: Социально-экономические очерки. – Краснодар, 1989. – 319 с.

⁸ Джимов, Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в.– Майкоп, 1986. – 123 с.

⁹ Добролюбов, Н.А. О значении наших подвигов на Кавказе. – М., 1962. – 478 с.

¹⁰ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. – М., 1963. – 372 с.

¹¹ Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1939. – 134 с.

¹² Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1939. – 134 с.

¹³ Пикман, А.М. О борьбе Кавказских горцев с царскими колонизаторами // Вопросы истории, 1956 – №3. – С. 44-51.

«феодалов».

Агрессорские устремления приписывались неким условным явлениям, обозначаемым как «царизм» и «империализм». Горцы же в этом случае характеризовались как борцы одновременно с «колониальными» устремлениями царского правительства и «гнетом» местных феодалов. Таким образом, возникла концепция сопротивления горцев. Основной смысл ее положений хорошо передан в академическом труде «История народов Северного Кавказа»: «Поскольку рост феодальной эксплуатации и гнета самодержавия происходил одновременно и в тесной связи с укреплением царской администрации, то антифеодальный протест нередко сливался с колонизаторской борьбой»¹ и «Не русский народ, который сам был угнетаем, а царизм ответственен за проявленные на Кавказе жестокость и насилие...»¹.

Идеологическим причинам советским историкам необходимо было обосновать идею о том, что Кавказская война являлась частью общемирового «революционного» процесса. Под последним имелись в виду череда европейских восстаний 30 - 40-х гг. XIX в. и тезис о якобы предреволюционной обстановке в Российской империи перед отменой крепостного права.

Чтобы придать указанной теории достаточно научный вид исследователям приходилось идти на определенные подтасовки фактов. Например, старательно ретушировались такие явления, которые могли бросить тень на горцев как на участников классовой борьбы: их набеги на казачьи станицы, кровавые междоусобицы и участие в восстаниях местной знати. Кроме того, уровень общественного развития всех горских племен был искусственно уравнен и априори считался феодальным без достаточного обоснования подобного утверждения. Длительность покорения Кавказа Российской империей объяснялась очень просто, а именно бездарностью царских генералов и героическим сопротивлением горцев.

¹ Пиотровский Б.Б. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988. – С. 28.

Заметное влияние на историографию Кавказской войны оказал воинствующий атеизм 1920-1930-х гг.: историкам приходилось искать вариант оценки освободительного движения горцев под руководством Шамиля, в котором «антифеодальная» и «антиколониальная» составляющие затушевывали «реакционно-религиозную». Итогом стал тезис о реакционной сущности мюридизма, смягченный указанием на его роль в мобилизации народных масс на борьбу с угнетателями.

Весьма сложным оказался и процесс «включения» Шамиля и сопротивления горцев в общую картину освободительного движения в России. В 1930-е годы имам Шамиль - борец против колониальной политики царизма - был включен в список народных героев освободительного движения наряду с С. Разиным, Е. Пугачевым. После Великой Отечественной «войны такой статус Шамиля выглядел странно на фоне депортации чеченцев, ингушей и карачаевцев, и его постепенно низвели до исторических деятелей «второго разряда»¹.

Когда же в начале 1950-х годов по страницам научной литературы началось торжественное шествие тезиса о «прогрессивном значении» присоединения национальных окраин, Шамиля перевели в разряд врагов и своего, и русского народов. Обстановка холодной войны способствовала превращению имама в религиозного изувера, британского, иранского и турецкого наемника. Дело дошло до появления тезиса об агентурном характере Кавказской войны по словам некоторых авторов, она началась из-за происков «агентов» мирового и, в первую очередь, английского империализма, а также под воздействием сторонников пантюркизма и панисламизма.

К началу 1940-х гг. окончательно сложилась «советская трактовка Кавказской войны: на этапе перехода к феодальному обществу, а также в его недрах обострились классовые противоречия, усугубленные российской

¹ Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. – 2003 – №1. – С.52.

колониальной экспансией, что породило масштабное антифеодальное и антиколониальное движение под религиозными лозунгами. Подобная концепция во многом определялась и позицией непререкаемых в советской исторической науке авторитетов - К. Маркса и Ф. Энгельса, которые в событиях на Кавказе усматривали частный случай проявления международного революционного подъема против царской России, героический пример национально-освободительного движения, достойный всеобщего подражания.

Следует отметить, что Н.И. Покровский - один из ведущих отечественных историков 30-х гг., занимавшихся вопросами Кавказа, хотя и вынуждено был связан «марксистскими» идеологическими и методологическими установками, в своем труде «Кавказские войны и имамат Шамиля»¹ смог отойти от многих ставших традиционными к тому времени штампов и даже поставил некоторые из них под сомнение. Историк говорил об экономической составляющей российской экспансии, упоминал о горских набегах, писал о жестокости, проявлявшейся обеими сторонами, придавал большое значение влиянию на ход событий военно-стратегического фактора, игнорируемого другими отечественными специалистами того времени. При этом он отметил, что далеко не все выступления горцев можно назвать антифеодальными или антиколониальными.

В целом, труд Покровского мог бы стать заметным явлением в ряду советских работ, посвященных Кавказской войне, но автор так и не смог ее издать при своей жизни. Опубликована она была лишь благодаря усилиям его сына через 60 лет после завершения.

Советскими историками достаточно глубоко изучены различные стороны истории движения горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. В трудах некоторых из них содержатся весьма ценные сведения, обобщения и выводы, дающие возможность проследить весь ход национально-

¹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. Гаджиева В.Г., Покровского Н.И. – М., 2000. – 584 с.

освободительной борьбы горцев Чечни и Дагестана.

Довольно ценный фактический материал по теме исследования содержится в работе С.К. Бушуева¹, в которой освещены различные стороны проблемы движения горцев за независимость, где рассматриваются такие вопросы, как роль мюридизма в освободительной борьбе горцев против царской России, военное дело в Имамате Шамиля и т.д. Данная работа во многом сыграет положительную роль в освещении Кавказской войны. В работе Р.М. Магомедова², основоположника советской школы изучения Кавказской войны, подчеркивается антифеодальный и народно-освободительный.

В 1950-х гг. в отечественной исторической науке был окончательно принят тезис о «мирном вхождении» народов в многонациональное государство. Он вполне соответствовал ситуации с закавказскими народами и некоторыми горскими племенами, однако ни в коей мере не мог быть отнесен к Черкесии, Чечне и Дагестану. Происходившие там события, точнее борьба имамата Шамиля против Отдельного Кавказского корпуса, вполне соответствовали в глазах советских историков уже упоминавшейся концепции о революционной ситуации в Европе в 30 - 40-х гг. XIX в., тем более что на стороне горцев сражалось немало поляков, которые подходили под образ революционеров-интернационалистов, боровшихся за независимость и своей, и чужой родины³.

В 1956-1957 гг. состоялось несколько научных дискуссий о природе Кавказской войны. Довольно четко выделились две группы историков. В первую вошли те, кто выступал с апологетикой Шамиля, считал его деятельность прогрессивной, а саму войну антиколониальной, составной

¹ Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70-е годы XIX века). – М., 1955. – 116 с.

² Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1939. – 134 с.

³ Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20–50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. – 2003 – №1. – С.54.

частью борьбы с самодержавием. Вторую группу образовали ученые, называвшие движение Шами ля реакционным явлением. Сами дискуссии оказались мало продуктивными, характерными для эпохи «хрущевской оттепели», когда уже можно было ставить вопросы, но еще нельзя было предлагать ответы¹.

С середины 1950 - начала 1960-х гг. происходит заметное увеличение исторических исследований. Появляются обобщающие труды по истории Кавказской войны, в которых резкой критике подвергается предшествовавшая концепция. В этой связи особенно ценным для нас является монографическая работа профессора Н.А. Смирнова². В данной работе на богатой источниковой базе делается попытка проследить историю формирования среди горцев Северного Кавказа религиозной идеологии, известной под названием мюридизма, ее суть и содержание, а также «раскрыть роль этой идеологии в общественной и политической жизни горцев». В работе также уделяется основное внимание внешнеполитическому положению Кавказа в XVI-XIX вв.», а также «вопросу о том, в какой мере политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. способствовала... сближению» народов Северного Кавказа с великим русским народом.

Вопрос о том, стоит ли относиться к покорению Кавказа с одобрением, в советской науке вообще не стоял, ведь «буржуазные ценности», которые несло горцам их приобщение к российско-европейской культуре, историки того времени одобрить не могли, к колониальным устремлениям империи они также относились отрицательно по определению. Все симпатии были на стороне горцев. Впрочем, позже советские историки признали объективную прогрессивность присоединения Северного Кавказа и Закавказья к Российской империи, ведь иначе эти регионы были бы под контролем Турции или Персии, считавшихся еще более реакционными государствами, чем царская Россия.

¹ Матвеев О.В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопознания // Теория и практика общественного развития, 2013. – № 11. – С. 285

² Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI - XIX веках. – М., 1995. – 320 с.

Следует отметить, что даже в рамках этой ограниченной концепции, все-таки значительные достижения отечественного кавказоведения в области изучения Кавказской войны приходится лишь на конец 50-х - начало 60-х гг. XX века. Основная борьба мнений отечественных кавказоведов свелась к спорам вокруг личности имама Шамиля, так как они не могли решить считать ли его представителем особого слоя феодально-теократической верхушки, а значит, отрицательным персонажем истории по ее марксистской интерпретации, или же руководителем народного антифеодального движения, а потому героем положительным¹.

Таким образом, до начала 1980-х годов изучение Кавказской войны находилось в состоянии глубокого кризиса. За полвека исследований не появилось даже фактологической истории этой эпопеи, где в хронологической упорядоченности были бы представлены наиболее важные военные события, наиболее влиятельные фигуры и т.д. Сказались, прежде всего, идеологические ограничения².

Другая линия историографических дискуссий о природе и историческом месте Кавказской войны с конца 1980-х гг. и до недавнего времени задавалась работами М.М. Блиева, предпринявшего масштабную попытку построения целостной концепции этого явления. М.М. Блиев³ исходил из того, что привязка исследований к вопросу о колониальном характере политики России и освободительном характере движения горцев является препятствием к новым подходам изучения Кавказской войны. Сам же он смещает фокус исследования на закономерности внутреннего развития горских обществ и связь с ними собственно военных событий в регионе. При этом также существенно расширяются и хронологические рамки изучаемого явления.

Особенностями исследований в период с 1980-х гг., по поставленной

¹ Матвеев О.В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепция взаимопознания // Теория и практика общественного развития, 2013. – № 11. – С. 285.

² Там же. – С. 287.

³ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. – №2. – 1983. – С. 17-25.

проблеме стало утверждение концепции добровольного присоединения народов Северного Кавказа к Российской империи. В связи с этим, в первую очередь, необходимо отметить работу Н.П. Гриценко¹. В этот историографический период существовало два подхода к оценке национально-освободительного движения горцев против царизма. Исследуя одни и те же источники, авторы по-разному их трактовали. В соответствии с одной точкой зрения, борьба горцев за независимость против царизма была справедливой на всех этапах движения, в котором мюридизм выступал в роли положительной религиозной идеологии, в то время как со стороны царизма война была захватнической и несправедливая.

Такой точки зрения придерживались Б.Х. Ортабаев и Ф.В. Тотоев². В их работе рассматриваются различные стороны движения горцев Северо-Восточного Кавказа, подчеркивается антифеодальный и народно-освободительный характер движения горцев. В представлениях сторонников второго подхода мюридизм выступал как орудие классового господства одних над другими. Сторонники каждого подхода стремились к утверждению своей точки зрения в качестве единственно правильной с научной точки зрения.

Со второй половины 1990-х гг. вышла в свет целая серия монографических исследований, авторы которых причинами поражения Шамиля и самого мюридизма считали перевод русской армии на резное оружие, получаемое из Европы, еще более современное, чем кавказское, действия адата, несущих в себе внутренние разногласия, незаурядные военные способности князя Барятинского, значительная концентрация войск российской армии на Кавказе, которые к 1859 г. были доведены до 308500 человек³.

¹ Гриценко Н.П. Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. – Грозный, 1962. – 196 с.

² Ортабаев Т.Х. Еще раз о Кавказской войне: ее социальных истоках и сущности // История СССР. – 1988. – № 4. – С.78-96.

³ Матвеев О.В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопознания // Теория и практика общественного развития. – 2013 – № 11. – С. 287.

Говоря о личности имама Шамиля, стоит отметить, что в советское время историкам приходилось рассматривать Кавказскую войну и деятельность имама в русле марксистской идеологии. До войны Шамиль рассматривался как руководитель революционного и национально-освободительного движения, направленного против царизма.

В послевоенное время, в условиях развивающегося изоляционизма личность имама была переведена в разряд главы «махрово-реакционного движения воинствующего ислама», препятствовавшего процессу дружественного присоединения горских народов к России (В.Г. Гаджиев). В условиях «оттепели» проявилась тенденция к игнорированию роли Шамиля в период Кавказской войны (А.В. Фадеев¹, Н.А. Смирнов²). Оправданием этому во многом служили указания классиков марксизма о первичности социально-экономических факторов и вторичности личностных. Развал СССР резко обострил идеологический и духовный кризис в стране. С этого момента начинается современная историография личности Шамиля и Кавказской войны.

Таким образом, рассмотрев дореволюционную и советскую научную литературу по проблемам Кавказской войны, мы пришли к выводу, что начиная с периода завоевания горских народов царской Россией, формируются и устойчиво держатся разные историографические традиции - охранительная монархическая и либерально-демократическая. Первая отображала имперскую позицию, в которой ключевыми понятиями были «колонизация», «умиротворение», «истребление», «владычество», «вытеснение» и т.д., в отношении которых считались оправданными военные методы завоевательной политики.

Многие советские исследователи, напрямую не имея возможностей противостояния существующему «идеологическому» диктату и навязываемым сверху концепциям, старались минимизировать наиболее абсурдные положения

¹ Фадеев Р. Кавказская война (Политический бестселлер). – М., 2005. – 640 с.

² Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI - XIX веках. – М., 1995. – 320 с.

и на основе дальнейшего обогащения источниковой базы разрабатывали проблематику Кавказской войны. Образцом и вершиной такого подхода в отечественной историографии, на наш взгляд, является Н.И. Покровский, чье исследование «Кавказские войны и имамат Шамиля» имело трудную судьбу и поздно стало историографическим фактом.

Глава 2. Особенности освещения событий Кавказской войны в современной историографии

§1. Хронологические рамки Кавказской войны в контексте современной историографии

В основе современных дискуссий о характере Кавказской войны лежит вопрос: что стало главной причиной такого масштабного конфликта - продвижение России на Кавказ или реалии самого этого региона (военная активность горцев). Очевидное наличие обеих вышеуказанных составляющих открывает возможность создания множества версий - от неоимперской до ультранационалистической. Подобная поляризация рабочих гипотез сама по себе оказывает влияние на исследовательскую оптику. Объяснение природы Кавказской войны затрудняется и тем обстоятельством, что до сих пор нет ее научно обоснованных хронологических рамок¹.

Выражение «Кавказская война» появилось в научном и общественном лексиконе только в 1860-е гг., тогда как ранее использовались выражения «покорение», «завоевание», «умиротворение», «установление владычества русских на Кавказе». Русские авторы исторических сочинений и мемуаристы называли действия горцев «восстаниями», «мятежами», «нашествиями», а собственные военные акции - «походами», «экспедициями», «действиями».

Особенностью исследовательской оптики Кавказской войны является крайняя односторонность освещения этого эпохального явления из-за того, что подавляющая масса источников - «российского» происхождения. Масштаб и характер внутреннего конфликта в горском социуме XVIII-XIX вв. оцениваются почти исключительно на «внешних» свидетельствах. Это обстоятельство повышает внимание к событийной истории, при написании которой невозможно обойтись без сюжета (пролог, завязка, кульминация, развязка,

¹ Турицын И.В. Парадоксы российского колониального опыта первой половины XIX века (на материалах Закавказья// Современная научная мысль. – 2013. – №4. – С. 27.

эпилог), а сюжет по определению ограничен во времени.

1817 год можно выделить как начало одного из этапов присоединения Кавказа. До того времени действия русских войск были «рефлекторными», вызванными набегами горцев. Теперь командование перешло к планомерным операциям (карательные и превентивные экспедиции, устройство крепостей в стратегически важных точках, экономическая блокада, прокладка просек и дорог, выселение горцев на равнину, основание казачьих станиц для закрепления российского «присутствия»). Эта дата оказалась приемлемой для дореволюционных историков, пораженных небывалой длительностью конфликта. Здесь примечательно то, что авторы книг, вышедших в 1860-1900-е гг., которые охотно связывали русско-турецкие войны с действиями горцев, уклонились от включения кровавых событий 1877-1878 гг. в Чечне и Дагестане в контекст тогдашнего столкновения двух империй¹.

Присоединение Северного Кавказа к России представляло собой нескончаемую вереницу «мятежей» и «покорений». Кавычки в данном случае акцентируют внимание на условности того и другого понятия. Это не были вооруженные выступления подданных, которые после поражения мирились со своим положением и становились мирными обывателями. Крайняя пестрота и зыбкость этнополитической карты региона, отсутствие до середины 1840-х годов у русского правительства четких представлений о целях военных действий на Кавказе превратили их в некий процесс, казавшийся нескончаемым, и содержание официальных документов конца 1850 - начала 1870-х гг. свидетельствует о нарастании осторожного оптимизма правительства по поводу «окончательного» покорения горцев, того самого покорения, о котором до того было подано столько торжественных рапортов².

Советская, а затем и российская историография унаследовала от

¹ Турицын И.В. Парадоксы российского колониального опыта первой половины XIX века (на материалах Закавказья) // Современная научная мысль. – 2013. – №4. – С. 28.

² Дегоев В.В. Кавказская война XIX века и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия XXI. – 1997. – № 9-10. – С.104.

дореволюционной историографии схему, по которой за отправной пункт приняли не ее действительное начало, а официальное признание войной того, что уже почти столетие происходило на Северном Кавказе. Общее для дореволюционной и советской историографии объяснение длительности войны бездарностью царских генералов само по себе требовало каких-то временных рамок, поскольку приходилось увязывать этот тезис с победами в наполеоновских и русско-турецких войнах XVIII-XIX вв.¹

Неоспоримым фактом является то, что все этнополитические структуры этого региона были поглощены Российской империей силой оружия или угрозой его применения. Однако признание этого вступало в непримиримое противоречие с тезисом одобрительном вхождении народов в многонациональное государство. Долгое и кровавое покорение Чечни, Дагестана и Черкесии никак не состыковывалось с этим тезисом и потому требовало выделения в особый конструкт.

В настоящее время изучение военной субкультуры в различных аспектах стало одним из быстро развивающихся направлений в отечественной историографии, но при этом наблюдается явный «хронологический» крен в сторону XX столетия. Если же обратиться к литературе о трех десятках войн Российской империи XVIII - начала XX в., то только в пяти случаях описание событий выходит за рамки «военно-полевой» парадигмы, для которой характерно повышенное внимание к политическим и дипломатическим интригам, маршам и сражениям, героизму солдат и офицеров².

В таком «особом» положении находится Северная война, поскольку эпоха Петра Великого всегда занимала почетное место в тематике отечественных исследователей. Отечественная война 1812 г., Крымская война, Русско-японская и первая мировая связывались с дворянским, народническим и пролетарским этапом революционного движения. Участие России именно в

¹ Кавказская война: уроки истории и современность // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 года. – Майкоп, 2006. – С.45.

² Там же. – С.98.

войнах на ее западных рубежах уделялось основное внимание по причине безусловной «европейской» ориентации отечественной интеллектуальной элиты, к которой принадлежало большинство военных историков.

Таким образом, на установление нынешних хронологических рамок оказали воздействие не только «прямые», но и косвенные обстоятельства развития отечественной историографии. Ограничение Кавказской войны 1817-1864 гг. является продуктом причудливого сплава тезисов дореволюционной имперской и советской историографии. Это ограничение помогало уместить присоединение Кавказа и Закавказья к России в «антифеодально-антиколониальную» парадигму, связать исторические реалии с концепцией добровольного вхождения народов в состав России. Кроме того, так достигалась хронологическая совместимость событий на Кавказе с «общей» борьбой населения многонациональной России против крепостнической эксплуатации¹.

На хронологию оказал существенное влияние и ряд имманентных свойств самой исторической науки (зависимость исследовательской оптики от методики работы, от характера источников, прочности традиций и т. д.). Вопросы о начале и конце войны в настоящее время приобретают особое значение в связи с острой актуализацией истории Кавказа вообще и периода его присоединения к России в особенности, поскольку от ответа на них зависит устойчивость той или иной предельно политизированной точки зрения на этот предмет. Отказ от ныне существующих хронологических рамок или по крайней мере их существенная коррекция способствуют более разностороннему подходу к изучению Кавказской войны². Прежде всего, продуктивным выглядит уклонение от изучения этого конфликта в политическом формате, поскольку явление (событие) такой продолжительности по определению не может иметь

¹ Турицын И.В. Парадоксы российского колониального опыта первой половины XIX века (на материалах Закавказья // Современная научная мысль. – 2013. – №4. – С. 30.

² Захарова Л.Г. Россия и Кавказ: взгляд из XIX века // Россия и Кавказ сквозь два столетия : сборник научных статей. – Спб., 2001. – С. 47.

политического характера.

Расширение границ Кавказской войны от Персидского похода Петра Великого (1722) до последнего крупного восстания в Чечне и Дагестане (1877) автоматически лишает смысла определения ее «типа», поскольку в такой временной отрезок вмещаются и колониальная экспансия, и реализация имперской идеи, и национально-освободительные движения, и цивилизационный конфликт, и феодально-этнические междоусобицы, и религиозная война. Кроме того, здесь без труда можно найти проявления геополитической борьбы России, Турции, Великобритании и Франции, феномен «погони за границей», когда присоединение какой-то территории требует установления контроля над прилегающими к ней землями¹.

Поиск «наиболее верного» определения для «всей» Кавказской войны не выглядит продуктивным, поскольку она сама - конструкт, рожденный историками. Гораздо больше перспектив обещает анализ реалий включения Кавказа и Закавказья в состав Российской империи - роль вооруженных сил в разжигании и пролонгации конфликта, место казачества в военных и этнополитических процессах в данном регионе, трансформация горского общества под воздействием мощного внешнего вызова.

¹ Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). – Нальчик, 2014. – С.91.

§2. Проблема характера Кавказской войны в современной историографии

Ввиду сложности и конфликтности ситуации, существующей на Кавказе, обращение практически к любой проблеме его новой и новейшей истории сегодня нередко обнаруживает очевидную заданность исследований, диктуемых в первую очередь политической модой, непременным стремлением вынести прошлому свой однозначный и, порой, суровый приговор. При этом обсуждение научных проблем, обмен мнениями, уступают место политическим баталиям. В отношении оппонентов-современников доминирует стремление поделить всех на «своих» и «чужих», а затем «разгромить» последних. Иными словами, историки, забывая о своих исследовательских задачах, о поиске истины, нередко становятся воинами, «политбойцами». Вполне понятно, что это не способствует лучшему пониманию процессов прошлого. Ярким примером тому служат дискуссии вокруг Кавказской войны.

Взаимодействие кавказских народов с Россией проявилось в самых различных формах: от установления дружеских отношений до развития экономических и культурных связей. Однако со второй половины XVIII в. царизм начинает проводить в Черкесии военно-колониальную политику, вызвавшая закономерное противодействие адыгов. Оно вылилось в национально-освободительное движение адыгов и других народов Северного Кавказа, которое приняло особенно широкий размах в XIX в. В исторической литературе национально-освободительное движение народов Северного Кавказа известно под названием Кавказская война. Основным ее содержанием являлась упорная и неравная борьба северокавказских горцев за независимость.

Военные действия продолжались до 1864 г. За период времени с 1857 по 1877 гг. в Османскую империю вынуждены были переселиться примерно 1 миллион 400 тысяч человек. Длительная и опустошительная Кавказская война прервала дальнейшее развитие многоотраслевой экономики адыгов, стоявшей на пороге зарождения мануфактурного производства.

Проблемы Кавказской войны всегда привлекали внимание историков, этнографов, философов, фольклористов и ученых других специальностей.

На наш взгляд, по степени остроты и обилию научных штампов тема Кавказской войны принадлежит к числу безусловных лидеров. Причем в силу поспешности и изначальной предопределенности выводов, ученые не могут договориться даже о базовых категориях и положениях. К примеру, не видно конца спорам о времени начала и характере войны. По первому пункту разброс мнений таков, что предлагаемые датировки колеблются, чуть ли не в вековом диапазоне. По второму - продолжаются схоластические споры вокруг уходящих корнями в большевистское прошлое понятий «национально-освободительная», «антифеодальная» война. И это для обществ, в которых не было ни сложившихся наций, ни феодализма (для большинства северокавказских народов)¹.

И сключая откровенно политизированных публицистов, объективные трудности в добросовестных научных попытках разобраться в характере событий объясняются именно тем, что исследователи, по сути, остаются в плену старых теоретических схем, причем созданных даже не в имперской, а в советской России. При этом последовательная колониальная экспансия феодальной империи, рассматривавшей племена Северного Кавказа как серьезную и весьма досадную «помеху» на театре войн с Персией и Османской империей, для удобства упрощенно именуется «войной»².

Иными словами, историки имеют «войну», но не могут внятно объяснить - когда она была, кто ее вел, какие цели преследовал и т.д. Подчеркнем, в рамках традиционного восприятия событий, связанных с продвижением Российской империи на Кавказ, как некой единой «войны», - дать им адекватное описание, не говоря уже об анализе, - невозможно. Характеризуя

¹ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2001. – С.77.

² Кавказская война: уроки истории и современность // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 года. – Майкоп, 2006. – С.35-36.

имперскую колониальную экспансию (полагаю, что такое определение сложно оспорить, ввиду его универсальности), в известной степени, можно было бы говорить о некоей серии войн. Однако в таком случае здесь также пришлось бы прибегнуть к довольно искусственному вычленению разнородных конфликтов, при анализе которых возникают те же самые вопросы¹.

В контексте борьбы горских народов за свободу, она чересчур очевидна. Кавказские события XIX века - одна из страниц всемирной драмы колониальной экспансии, усугубленной противостоянием в регионе трех крупных феодальных империй. Вместе с тем, в рамках так называемой Кавказской войны следует отчетливо видеть разные составляющие, разные потоки, различные столкновения интересов и «узлы» конфликтности. Использованная нами выше характеристика войны «горских народов», в принципе, также весьма условна, поскольку «горцы» - это предельно общее понятие, в принципе, подобное понятию «жители равнин». Между тем, различия между ними (тем более, конфликты интересов) были весьма существенными. Причем и в условиях российской колониальной экспансии многие горские сообщества занимали устойчиво пророссийские позиции².

На наш взгляд, применительно к событиям 1800-х - 1860-х годов речь нужно вести не о некоей особой Кавказской войне, а о серии разноплановых конфликтов различного масштаба и уровня, сопровождавших процесс российской колонизации Кавказа. Среди них центральное значение принадлежит цепи сопровождавших российскую колонизацию армейских экспедиций и встречных горских набегов³.

Вместе с тем, в рамках широкой полосы конфликтности, большое значение имело не только российско-горское противостояние. В не меньшей степени это была и война внутри горских сообществ. Данное обстоятельство особняком

¹ Кавказская война: уроки истории и современность // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 года. – Майкоп, 2006. – С.38.

² Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания //Россия и Кавказ. Сквозь два столетия. – СПб., 2001. – С.45.

³ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2001. – С.81.

ставит вопрос о мотивации не только различных сторон конфликта, но и различных групп участников войны. Совершенно очевидно, что для разных сообществ и социальных групп Кавказа война была различной. Только так можно понять, почему одни и те же силы и даже конкретные лица на разных этапах конфликта нередко занимали диаметрально противоположные позиции.

С учетом крайней этнокультурной пестроты региона, его полиэтничности, на наш взгляд, особое внимание при изучении «Кавказской войны» должно уделяться не только различиям интересов и порождаемой этим конфликтности, бесконечным набегам и военным операциям, но и вопросам взаимодействия¹. Акцент на анализе моментов взаимовлияния тем более важен, что позволяет избежать упрощенно-однозначных оценок. Изучая интересы и рожденную ими конфликтность, главные акценты необходимо переносить на реализацию этих интересов через программы взаимодействия, сотрудничества. Интересы региональных акторов можно по-настоящему полно понять лишь в единстве моментов конфликтности и сотрудничества. Иными словами, война и невоенные формы взаимодействия неразрывны. Только в их диалектике - ответы на реальные и мнимые загадки истории.

Статья В.В. Дегоева «Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги», опубликованная во 2-м выпуске «Сборника Русского исторического общества» за 2000 год, стала своеобразным подведением итогов изучения Кавказской войны к началу XXI столетия. Автор четко определил главный изъян большинства предшествующих исследований по истории Кавказа XIX века: «теоретические схемы и моральные оценки преобладали над системой доказательств».

Очень продуктивным выглядит тезис об отказе от признания антиколониального и антифеодального элементов Кавказской войне доминирующим. Важными и весьма продуктивными выглядят тезисы В.В.

¹ Кавказская война: уроки истории и современность // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 года. – Майкоп, 2006. – С.41.

Дегоева о влиянии геополитических и природно-климатических факторов на развитие событий. Уделом всех горских племен была постоянная война друг с другом, поскольку географические условия, особенности развития этносов (крайняя дробность языков, значительные различия в типах хозяйствования и т. д.) препятствовали их объединению в мощное протогосударство. С востока и запада они были отрезаны от остального мира морем, на юге и на севере находились враждебные экосистемы (степь и засушливое нагорье), а также мощные государства (Россия, Турция, Персия), превратившие Кавказ в зону своего соперничества.

§3. Перспективы осмысления военных действий на Кавказе 1817-1864 гг.

Спустя более 150 лет после окончания Кавказской войны можно уверенно сказать - это одно из самых масштабных событий в Российской истории. Процесс военного по преимуществу присоединения Кавказа к России явился поворотным моментом в истории многих народов региона, в первую очередь адыгов. В результате самой длительной военной кампании в своей истории Россия приобрела самый проблемный свой регион¹.

На протяжении XX в. Северный Кавказ дважды становился источником серьезных угроз для единства Российской государственности. После революции 1917 г. в годы гражданской войны в Дагестане и Чечне развернулось движение под руководством Узун-Хаджи Кишиева, которое пыталось реанимировать идею теократического государства горцев Восточного Кавказа. В Терской области, какое-то время пользовались популярностью идеи конфедеративной республики горцев Северного Кавказа. Успехи Советской власти и сила Красной Армии восстановили власть России на Северном Кавказе под новым знаменем и новой государственной идеологией². Национальная политика в рамках советской идеологии предполагала пролетарский интернационализм и право наций на самоопределение. Однако на практике национально-государственное строительство в РСФСР и СССР оказалось жестко увязано с прагматическими задачами обеспечения надежного контроля и управляемости национальных окраин бывшей царской империи.

В реалиях современного российского общества такой порыв историков и общественных активистов радикально пересмотреть парадигму Кавказской войны выглядит несколько наивно. В самый разгар перестройки и развала СССР сторонники официальной имперской историографии не отказались

¹ Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания) – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – С.110.

² Кавказская война: уроки истории и современность // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 года. – Майкоп, 2006. – С.224.

принципиально от своей позиции. Но она потеряла авторитет в глазах значительной части российского общества. Убеждение в возможном торжестве исторической справедливости по отношению к черкесам было настолько сильно, что этим настроениям поддался истеблишмент адыгских республик¹.

Фактические результаты Кавказской войны для народов Восточного и Западного Кавказа оказались детерминированными двумя различными стратегиями мобилизации общества и организации вооруженного сопротивления колониальной экспансии Российской империи. Политическая модель централизованного теократического государства, реализованная на Восточном Кавказе, способствовала временной консолидации общества, а после военного поражения сделала возможным инкорпорацию Чечни и Дагестана в административную систему Российской империи. Традиционная политическая культура адыгов и созданные на ее основе формы политической самоорганизации в виде черкесской конфедерации оказались несовместимы с государственно-правовой практикой Российской империи².

Убедившись в этом, правительство Российской империи посчитало возможным в государственных интересах уничтожить Черкесию. Это произошло в форме насильственного выселения горцев Западного Кавказа собственно адыгов, убыхов, абазин) в пределы Османской империи³.

Этому препятствует то обстоятельство, что результаты Кавказской войны адыгским общественным сознанием и в диаспоре и в РФ до сих пор не признаны легитимными. Очевидно, до тех пор, пока оно существует и опирается на общую историческую традицию, память, надежды на общую перспективу, будут продолжаться попытки добиться признания геноцида, совершенного по отношению к черкесам на заключительном этапе Кавказской войны. В неразрывной связи с проблемой признания геноцида будет находиться

¹ Кавказская война: уроки истории и современность // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 года. – Майкоп, 2006. – С.228.

² Лапин В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. – СПб., 2003. – С.14-15.

³ Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания //Россия и Кавказ. Сквозь два столетия. – СПб., 2001. – С.130.

стремление добиться права на репатриацию потомков черкесских мухаджиров.

Можно утверждать, что признание черкесами результатов Кавказской войны вполне легитимными и необратимыми будет означать фактический конец традиционной адыгской идентичности, которой Российская империя отказала в праве на существование 150 лет назад. Это станет зримым знаком формирования новых этнических идентичностей, давно институционализованных, которые будут иметь такое же отношение к историческим адыгам, как современные итальянцы к древним римлянам. Однако, это представляется маловероятным.

Анализ и обобщение конкретно-исторического материала, историографических концепций и теоретико-методологических подходов по проблемам истории Кавказской войны показывает, что выработка целостной интерпретации ее природы и исторического места является трудной задачей. Это связано не только с многосторонним, комплексным характером самого явления, но и с множественностью и часто несовместимостью вариантов его осмысления в исторической науке и историческом сознании. Ряд глубоких работ обзорного и аналитического характера, выполненных ведущими специалистами в этой сфере, позволяет суммировать черты историографического процесса, существенные для решения поставленных в настоящем исследовании. Вместе с тем попытки предложить какую-либо «новую», «современную», «комплексную» трактовку Кавказской войны в отрыве от историографической традиции будут бесперспективными¹.

Многие исследователи, напрямую не имея возможностей противостояния существующему «идеологическому» диктату и навязываемым сверху концепциям, старались минимизировать наиболее абсурдные положения и на основе дальнейшего обогащения источниковой базы разрабатывали проблематику Кавказской войны.

До начала 1980-х годов изучение Кавказской войны находилось в

¹ Блиев М.М. Кавказская война. – М., 1994. – С.157.

состоянии глубокого кризиса. За полвека исследований не появилось даже фактологической истории этой эпопеи, где в хронологической упорядоченности были бы представлены наиболее важные военные события, наиболее влиятельные фигуры и т.д.¹.

Сказались, прежде всего, идеологические ограничения. Другая линия историографических дискуссий о природе и историческом месте Кавказской войны с конца 1980-х гг. и до недавнего времени задавалась работами М.М. Блиева, предпринявшего масштабную попытку построения целостной концепции этого явления. М.М. Блиев исходил из того, что привязка исследований к вопросу о колониальном характере политики России и освободительном характере движения горцев является препятствием к новым подходам изучения Кавказской войны. Сам же он смещает фокус исследования на закономерности внутреннего развития горских обществ и связь с ними собственно военных событий в регионе.

Но при любых подходах к построению общей концепции истории Кавказской войны необходимо учитывать связь военных действий с геополитическими истоками и целями конфликта, рассматривать военно-силовую составляющую или фазу российско-горских взаимоотношений в широком историческом контексте включения (вхождения) народов региона в состав российского государства, различать субъективные, осознаваемые участниками цели и смысл борьбы и ее объективное историческое значение².

Наконец, в хаотическом состоянии современной историографии, соединяющем остро конфликтные интерпретации и крайне неравнозначные по научному уровню публикации, можно обнаружить одну фундаментальную коллизию. Она заключается в том, что репрезентация «Кавказской войны» осуществляется с позиций одного из двух исторических субъектов - России, с одной стороны, народов и обществ Северного Кавказа – с другой. Только на первый взгляд здесь имеет место простая идентификация

¹ Блиев М.М. Кавказская война. – М., 1994. – С.308.

² Кавказская война: уроки истории и современность // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 года. – Майкоп: 2006. – С.310.

сторон конфликта, как это было на всех этапах развития историографии¹.

Традиционные трактовки в этом вопросе сохраняются и в настоящее время. Новизна выражается в двух моментах. Во-первых, в рамках текущей историографической ситуации Россия и «Северный Кавказ» выступают в качестве сугубо самостоятельных, взаимно нередуцируемых полюсов исторического процесса. Во-вторых, налицо тенденция представлять их в качестве целостных и равноценных в цивилизационном смысле культурно-исторических единиц².

Как мы видим, сама природа и особенности Кавказской войны, как исторического явления обуславливают неоднозначность ее оценок:

1. она продолжалась около ста лет или десятки лет; включала в себя события и явления разного порядка, но главным составляющим являлось вооруженное противоборство разных сторон;

2. в процессе активного раздела мира между европейскими державами многим народам отводится роль пассивных объектов политики держав;

3. с одной стороны, в войне участвовало государство (государства), преследующее свои геополитические цели, использующее армию европейского образца; с другой - северокавказские общества с традиционной социальной организацией,

4. военно-политические цели (стратегии) и методы ведения боевых действий (тактики) эволюционировали на протяжении войны; в научной литературе не ставится вопрос об альтернативных вариантах развития событий: можно ли было прекратить войну на том или ином этапе и найти политико-дипломатическое средство ее урегулирования. Особенно актуальной во всех отношениях являются – каковы были альтернативы завершающего периода войны для северокавказских народов и российского военного руководства; часто Кавказская война

¹ Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб., 2000. – С.202.

² Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI - XIX веках. – М.,1995. – С.104.

воспринималась и сегодня трактуется многими как война разных цивилизаций, разных культур и разных религий.

Осмысление особенностей современного состояния исторической науки позволяет говорить, что в условиях национально-культурной трансформации российского сообщества четко обозначились проявления этно-национального сознания в исторических исследованиях, которые привели к ощутимому усилению этноцентризма как исследовательского подхода.

Таким образом, различные подходы к осмыслению Кавказской войны могут не столько опровергать, сколько дополнять друг друга, а главное, становится очевидным, что проблема Кавказской войны - это проблема диалога и взаимопонимания культур. Выработка и утверждение в общественном сознании и общественной практике политической формулы гражданского консенсуса по проблеме Кавказской войны представляет собой реальную необходимость в условиях российской действительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ и обобщение конкретно-исторического материала, историографических концепций и теоретико-методологических подходов по проблемам истории Кавказской войны показывает, что выработка целостной интерпретации ее природы и исторического места является трудной задачей. Это связано не только с многосторонним, комплексным характером самого явления, но и с множественностью и часто несовместимостью вариантов его осмысления в исторической науке и историческом сознании.

Ряд глубоких работ обзорного и аналитического характера, выполненных ведущими специалистами в этой сфере, позволяет суммировать черты историографического процесса, существенные для решения поставленных в настоящем докладе задач. Вместе с тем попытки предложить какую-либо «новую», «современную», «комплексную» трактовку Кавказской войны в отрыве от историографической традиции будут бесперспективными.

Начиная с периода завоевания горских народов царской Россией, формируются и устойчиво держатся разные историографические традиции – охранительно-монархическая и либерально-демократическая. Первая отображала имперскую позицию, в которой ключевыми понятиями были «колонизация», «умиротворение», «истребление», «владычество», «вытеснение» и т.д., в отношении которых считались оправданными военные методы завоевательной политики. В.В. Дегоев обращает внимание на то, что русские дореволюционные авторы целиком оправдывали решительную политику Петербурга в продвижении России на юг исторической необходимостью, державными интересами и даже нравственными соображениями (цивилизаторская миссия, избавление христианских единоверцев от мусульманского ига и т.д.).

Иной, но также глубоко идеологизированный подход характерен для представителей революционно-демократической мысли в России. Они

рассматривали движение горцев в русле общероссийского освободительного процесса, включавшего, по их мнению, и «антиколониальные» силы. Для них критерий «прогрессивности» того или иного явления чаще всего сводился к способности расшатывать опоры русского царизма. Суждения и оценки теоретиков и вождей революционного социализма, полностью соответствовали европейскому общественному мнению, которое в своей значительной части традиционно резко критически относилось к внешней и внутренней политике Российской империи.

Советские исследователи Кавказской войны вынуждены были придерживаться классово-партийного (идеологического) принципа. В ранг «фундаментальных», «теоретических» положений были возведены глубоко идеологизированные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, В.И. Ленина и И.В. Сталина. Во многом на них строился вывод об «антиколониальном» характере движения горцев. На основе положений классиков марксизма-ленинизма был обоснован тезис о складывании в дооктябрьский период, в том числе в ходе Кавказской войны, классового союза между угнетенными трудящимися Северного Кавказа и России против классового союза между местными и русскими эксплуататорами, опиравшимися на «реакционный» царизм.

Отсюда вытекала идея о единстве, сплоченности и дружбе народов в борьбе с самодержавием, крепостничеством, национальным притеснением, венцом которой явилась Великая Октябрьская революция 1917 года. Многие исследователи, напрямую не имея возможностей противостояния существующему «идеологическому» диктату и навязываемым сверху концепциям, старались минимизировать наиболее абсурдные положения и на основе дальнейшего обогащения источниковой базы разрабатывали проблематику Кавказской войны. Образцом и вершиной такого подхода в отечественной историографии, на наш взгляд, является Н.И. Покровский, чье исследование «Кавказские войны и имамат Шамиля» имело трудную судьбу и поздно стало историографическим фактом.

До начала 1980-х годов изучение Кавказской войны находилось в

состоянии глубокого кризиса. За полвека исследований не появилось даже фактологической истории этой эпопеи, где в хронологической упорядоченности были бы представлены наиболее важные военные события, наиболее влиятельные фигуры и т.д. Сказались, прежде всего, идеологические ограничения. Другая линия историографических дискуссий о природе и историческом месте Кавказской войны с конца 1980-х гг. и до недавнего времени задавалась работами М.М. Блиева, предпринявшего масштабную попытку построения целостной концепции этого явления. М.М. Блиев исходил из того, что привязка исследований к вопросу о колониальном характере политики России и освободительном характере движения горцев является препятствием к новым подходам изучения Кавказской войны.

В современной российской историографии благодаря применению новых подходов, методологического инструментария исследований мирового уровня, в частности социокультурный (цивилизационный) анализ, теория границы, теория модернизации и др., достигнуты положительные результаты в изучении проблем российско-северокавказского исторического взаимодействия.

Трактовка Кавказской войны в рамках протяженного по времени геополитического тренда имеет глубокие научные корни. Ни один из исторических правовых актов не закрепляет как дату начала, так и дату окончания войны. Ввиду этого многие вопросы остаются открытыми и на сегодняшний день, происходят изменения в соответствии с изменениями общественно-политической ситуации в государстве и обществе.

Различные подходы к осмыслению Кавказской войны могут не столько опровергать, сколько дополнять друг друга, а главное, становится очевидным, что проблема Кавказской войны – это проблема диалога и взаимопонимания культур. Выработка и утверждение в общественном сознании и общественной практике политической формулы гражданского консенсуса по проблеме Кавказской войны представляет собой реальную необходимость в условиях российской действительности.

Итак, проведенный историографический анализ Кавказской войны

показывает, что в трудах дореволюционных, советских и российских авторов содержится довольно большой фактический материал, который в значительной степени способствует объективному рассмотрению основных вопросов истории Кавказской войны.

ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

І. Источники

1. Абдулатипов, Р.Г. Знамение судьбы: Повесть в очерках и документах о Кавказской войне 1817-1864 годов / Р.Г. Абдулатипов. - М.: Славянский диалог, 1998. - 500 с.

2. Авторханов, А.К. Основным вопросам истории Чечни / А.К. Авторханов. - Грозный: Серло, 1930. - 105 с.

3. Авраменко, А.М. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма / А.М. Авраменко // Кавказская война: уроки истории и современность. - Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 1995. - С. 46-52.

4. Адамов, Е. Из истории происков иностранной агентуры во время Кавказских войн / Е. Адамов // Вопросы истории. - 1950. - №11. - С. 122-125.

5. Бадцели, Дж. Завоевание Кавказа русскими. 1820-1860 / пер. с англ. Л.А. Калашникова. - М.: Центрполиграф, 2007. - 351 с.

6. Берже, А.П. Выселение горцев с Кавказа / А.П. Берже // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. - 282 с.

7. Бенкендорф, К.К. Воспоминания Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года / К.К. Бенкендорф. - СПб.: Императорская типография, 1911. - 471 с.

8. Бирюков, С.В. «Чеченский вопрос» в истории России. Социальная политика и местное развитие: тезисы международной научно-практической конференция, 17 апреля 2000 года. - Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. - 438 с.

9. Блиев, М.М. Кавказская война / М.М. Блиев, В.В. Дегоев. - М.: Росет, 1994. - 459 с.

10. Блиев, М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность / М.М.

Блиев // История СССР. - №2. - 1983. - С. 17-25.

11. Блиев, М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации / М.М. Блиев. - М.: Мысль, 2004. - 878 с.

12. Броневский, С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе / С.М. Броневский. - М.: Наука, 2001. - 188 с.

13. Бушуев, С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70-е годы XIX века) / С.К. Бушуев. - М.: Изд-во МГУ, 1955. - 116 с.

14. Виноградов, Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. / Б.В. Виноградов. - Славянск-на-Кубани, 2005. - 101 с.

15. Гаджиев, А.С. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана / А.С. Гаджиев. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1964. - 228 с.

16. Гаммер, М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана / Пер. с англ. Симакова В. - М.: Крон-Пресс, 1998 - 512 с.

17. Гапуров, Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818-1859 гг.) / Ш.А. Гапуров. - Грозный: Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016. - 576 с.

18. Герцен, А. Сочинения в 2 томах / А. Герцен. - М.: Мысль, 1985. - 592 с.

19. Гордин, Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века / Я. Гордин. - СПб.: Звезда, 2000. - 465 с.

20. Гриценко, Н.П. Истоки «дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом» / Н.П. Гриценко. - Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1962. - 196 с.

21. Дегоев, В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность / В.В. Дегоев. - М.: Русская панорама, 2001. - 510 с.

22. Дегоев, В.В. Кавказская война XIX века: альтернативные подходы к ее изучению / В.В. Дегоев // Вопросы истории. - 1999. - № 6. - С. 456-164.

23. Дегоев, В.В. Кавказская война XIX века и идеологические конъюнктуры (советского и постсоветского времени) / В.В. Дегоев // Россия XXI. - 1997. - № 9-10. - С.104-128.
24. Джимов, Б.М. Социально-экономическое и «политическое» положение адыгов в XIX в./ Б.М. Джимов. - Майкоп, 1986. - 123 с.
25. Добролюбов, Н.А. О значении наших подвигов на Кавказе / Н.А. Добролюбов. - М.: Публичное издание, 1962. - 478 с.
26. Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. - СПб.: Типография департамента уделов, Литейный проспект, 1871. - 669 с.
27. Захарова, Л.Г. Россия и Кавказ: взгляд из XIX века / Л.Г. Захарова // Россия и Кавказ сквозь два столетия: сборник научных статей. - СПб.: Звезда, 2001. - С. 44-56.
28. Зиссерман, А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867) / А.Л. Зиссерман. - СПб.: Типография А.С. Суворина, 1879. - 441 с.
29. Зиссерман, А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский / А.Л. Зиссерман. - М.: Книга по требованию, 2011. - 482 с.
30. Зырянов, П.И. История России. XIX век / П.И. Зырянов. - М.: Наука, 2002. - 105 с.
31. Кавказская война: уроки истории и современность // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 года. - Майкоп, 2006. - 716 с.
33. Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. - СПб.: Наука, 2002. - 552 с.
34. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX - начало XX вв. / Сост. Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисицына, Б.П. Миловидов. - СПб.: Наука, 2005. - 720 с.
35. Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). - Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. - 197 с.

36. Касумов, А.Х. Геноцид адыгов. (Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в.) / А.Х. Касумов. - Нальчик, 1992. - 97 с.
37. Клычников, Ю.Ю. Российская (политика на Неверном Кавказе. 1827-1840 гг.) / Ю.Ю. Клычников. - Пятигорск: ПГЛУ, 2002. - 57 с.
38. Ковалевский, Н.Ф. История государства Российского. Жизнеописание знаменитых военных деятелей XVIII - начала XX века / Н.Ф. Ковалевский. - М.: Книжная палата, 1997. - 414 с.
39. Ковалевский П.И. История завоевания Кавказа / П.И. Ковалевский. - СПб.: Типография М. Акинфеева, 1915. - 270 с.
40. Кумыков, Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX-начале XX века / Т.Х. Кумыков. - Нальчик, 1996. - 325 с.
41. Кушева, Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с «Россией» / Е.Н. Кушева. - М.: Издательство академии наук СССР, 1963. - 372 с.
42. Лапин, В.В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу / В.В. Лапин. – СПб.: Нестор-история, 2003. - 82 с.
43. Лапин, В.В. К вопросу о хронологических рамках и типологии Кавказской войны XVIII-XIX вв. / В.В. Лапин. // Страницы Российской истории. Проблемы. События. Люди. Сб. ст. в Честь Б.В. Ананьича.- СПб.: Наука, 2003. - С. 97-102.
44. Лунин, М.С. Сочинения, письма, документы / М.С. Лунин. - Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1988. - 576 с.
45. Магомедов, Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля / Р.М. Магомедов. - Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1939. - 134 с.
46. Матвеев, О.В. Кавказская война на Северо-Западном Кавказе и ее этнополитические и социокультурные последствия / О.В. Матвеев. - Краснодар, 1996. - 124 с.
47. Матвеев, О.В. Неусвоенные уроки Кавказской войны / О.В. Матвеев // Казачество России в XXI веке: место и роль в обществе и в государстве: Доклады

и сообщения на научно-практической конференции (апрель 2001 года). – Ростов н/Д, 2001. - С.68-73.

48. Милютин, Д. Воспоминания / Д. Милютин. - Томск: 1919. - 469 с.

49. Олейников, Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания / Д.И. Олейников // Россия и Кавказ. Сквозь два столетия. - СПб.: Звезда, 2001. - 256 с.

50. Ортабаев, Т.Х. Еще раз о Кавказской войне: ее социальных истоках и сущности / Т.Х. Ортабаев // История СССР. – 1988. - № 4. - С.78-96.

51. Пестель, П. Русская правда / П. Пестель. - М.: Академия, 1993. - 493 с.

52. Потто, В. Кавказская война в отдельных очерках, «эпизодах, легендах и библиографиях / В. Потто. - М.: Центрполиграф, 2014. - 1232 с.

53. Покровский, Н.И. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половины XIX века: Социально-экономические очерки / М.В. Покровский. - Краснодар: Книжное издательство, 1989. - 319 с.

54. Покровский, Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. Гаджиева В.Г., Покровского Н.И. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. - 584 с.

55. Пикман, А.М. О борьбе Кавказских горцев с царскими колонизаторами / А.М. Пикман // Вопросы истории. – 1956. - №3. - С. 44-51.

56. Пиотровский, Б.Б. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Б.Б. Пиотровский. - М.: Наука, 1988. - 527 с.

57. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы османской империи (20-70-е гг. XIX в.) // Сборник архивных документов. - Нальчик, 2001. - 357 с.

58. Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: публичные лекции / Д.И. Романовский. - СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1860. - 460 с.

59. Скибицкая, И.М. Северо-Западный Кавказ в планах русского командования: от отдельных экспедиций к планомерному наступлению в начале 60-х гг. XIX в. Текст. / И.М. Скибицкая // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 2005. - № 5. - С.20-28.

60. Смирнов, Н.А. Политика России на Кавказе в XVI - XIX веках / Н.А. Смирнов. - М.: Соцэкгиз, 1995. - 320 с.
61. Толмачев, Е.П. Присоединение Кавказа к России (Некоторые итоги и значение) / Е.П. Толмачев // Сборник русского исторического общества. - М.: Мысль, 2000 - Т. 2 - С. 215-217.
62. Турицын, И.В. Парадоксы российского колониального опыта первой половины XIX века (на материалах Закавказья)/ И.В. Турицын // Современная научная мысль. - 2013. - №4. - С. 25-38.
63. Фадеев, Р. Кавказская война (Политический бестселлер) / Р. Фадеев. - М.: Эксмо, 2005. - 640 с.
64. Фёдоров, В. (сост.) Записки А.П. Ермолова. 1798-1826 гг. / В. Федоров. - М.: Мысль, 1991. - 463 с.
69. Чекменев, С.А. Из истории Кавказской войны / С.А. Чекменев // Вестник Пятигорского государственного лингвистического ун-та. – 1996. – № 1. - С.76-85.
70. Чернышевский, Н.Г. Избранные сочинения / Н.Г. Чернышевский. - М.: Наука, 1950. - 840 с.
71. Шатохина, Л.В. Политика России на Северо-Западном Кавказе в 30-60-е годы XIX века / Л.В. Шатохина // Вестник московского университета. – 2000. - № 3. - С.3-26.
72. Шильдер, Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование / Н.К. Шильдер. - СПб.: Типография А.С. Суворина, 1903. - 902 с.
74. Экштут, С. Алексей Ермолов / С. Экштут // Родина. – 1994. - № 3-4. - С.30-35.
75. Ячменихин, К.М. Военные поселения на Кавказе в 30-50-е годы XIX в. / К.М. Ячменихин // ВМГУ. – 1991. - № 4. - С 47-52.

II. Исследования

76. Артизов, А.Н. Критика М. Н. Покровского и его школы (К истории

вопроса) / А.Н. Артизов // История СССР. - 1991. - № 1. - С.102-120.

77. Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (Дореволюционный период): Сборник научных трудов // Кабардино - Балкарский государственный Университет / Под ред. Т.Х. Кумыкова. - Нальчик, 1989. - С. 13-17.

78. Матвеев, О.В. К историографии завершающего этапа Кавказской войны/ О.В. Матвеев, И.М. Скибицкая // Историческое регионоведение Северного Кавказа вузу и школе (материалы 9-й всероссийской научно-практической конференции). - Армавир, 2005. - С. 60-63.

79. Матвеев, О.В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопознания / О.В. Матвеев // Теория и практика общественного развития. – 2013 - № 11.- С. 285-289.

80. Сидоров, А. Л. Основные проблемы и некоторые итоги развития советской исторической науки / А.Л. Сидоров. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. - 274 с.

81. Советская историография / под ред. Афанасьева Ю.Н. - М.: РГГУ, 1996. - 588 с.

83. Чернобаев, А. А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М. Н. Покровского / А. А. Чернобаев. - М.: Лит, 1992. - 234 с.

84. Черноус, В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20-50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса / В.В. Черноус // Научная мысль Кавказа.- 2003 - №1. - С.50-64.

85. Яновский О.А. Современная российская историография новейшей истории России и истории СССР и др. / под ред. В.И. Меньковского. - М.: Наука, 2006. - 192 с.